

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 4, № 2
2017

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 4, № 2
2017

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 4, № 2
2017

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 4, № 2
2017

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ; Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, sergej-z71@yandex.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

• *Евгений Петрович Бажанов*, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Анджеј Вержбицки*, д.п.н., Варшавский университет, Варшава, Польша

• *Виктор Александрович Глебов*, к.ю.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• *Майкл Глянц*, Университет Колорадо, США

• *Олег Евгеньевич Гришин*, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• *Владимир Николаевич Давыдов*, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• *Лукаш Донай*, д.п.н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

• *Игорь Сергеевич Зонн*, д.геогр.н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

• *Андрей Вячеславович Ишин*, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

• *Леонид Александрович Карабешкин*, к.п.н., Евроакадемия, Эстония, Таллин

• *Геннадий Владимирович Косов*, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия

• *Андрей Геннадьевич Костяной*, д. ф.-м.н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия

• *Елена Михайловна Кузьмина*, к.п.н., Институт экономики РАН, Москва, Россия

• *Рустам Мамедов*, д.ю.н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

• *Николай Павлович Медведев*, д.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• *Татьяна Николаевна Мозель*, д.п.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Марк Афроимович Неймарк*, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Ольга Алексеевна Нестерчук*, д.п.н., Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

• *Юлий Анатольевич Нисневич*, д.п.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

• *Владимир Николаевич Панин*, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия

- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Владимир Михайлович Платонов**, к.ю.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Александр Вячеславович Семенов**, д.э.н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Андрей Иванович Суздальцев**, к.и.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д.ф.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к.и.н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Нарцисс Шукуралиева**, д.п.н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Владимир Владимирович Штоль**, д.п.н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 18 мая 2015 года (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61749 от 18 мая 2015 г. — печатное издание)

ISSN

2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Периодичность:

4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»

Типография:

Типография «Гутенберг», Москва, ул. Дубининская, д. 17, стр. 2, офис 107

Тираж:

500 экземпляров

Сайт:

<http://www.postsovietarea.ru>

E-mail:

postsoviet.area@yandex.ru

Подписано в печать:

15.06.2017

© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

CHIEF EDITOR

• **Sergej S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry; RUDN University, Moscow, Russia, sergej-z71@yandex.ru

• **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Institute of Economics (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

• **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

EDITORIAL BOARD

• **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

• **Nikolai P. Medvedev**, RUDN University, Moscow, Russia

• **Vladimir N. Davidov**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

• **Tatjana N. Mozel**, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

• **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

• **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

• **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

• **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, Russian State Social University, Moscow, Russia

• **Victor A. Glebov**, PhD in Law, RUDN University, Moscow, Russia

• **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia

• **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

• **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

• **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

• **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan

• **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

• **Vladimir M. Platonov**, PhD in Law, RUDN University, Moscow, Russia

• **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

• **Semenov A.V.**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia

• **Andrej G. Kostyanov**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

• **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland

• **Georgi S. Kovalev**, PhD in Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

• **Vladimir V. Stoll**, Prof., PhD in Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

- **Andrej I. Suzdaltsev**, PhD in History, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine

- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland

- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology «Soyuzvodproekt», Moscow, Russia

ISSN: 2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Publication Frequency: Quarterly

Founder: Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis «The Centre of regional research»

Printing house: "Gutenberg", Moscow, Dubininskaya str., 17 bld.2, office 107

Number of Copies: 500

Web-site: <http://www.postsovietarea.ru>

E-mail: postsoviet.area@yandex.ru

Signed for printing: 15.06.2017

© "Post-Soviet Issues". All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Молдова: состояние и перспективы развития торгово-экономического сотрудничества с Россией** 96

Людмила В. Фокина

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Украина – Турция: политико-дипломатический диалог геополитических соседей начала XXI века (институциональное измерение)** 109

Вячеслав Г. Циватый

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

- О научно-теоретическом измерении истории революционных потрясений в России (к 100-летию Февраля и Октября 1917 г.)** 118

Андрей В. Ишин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Политический аспект института экстрадиции в постсоветском пространстве** 126

Власта Л. Горичева, Ольга В. Левашова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Информационно-коммуникационные технологии в создании политической медиареальности в России** 137

Марианна Ю. Павлютенкова, Елена А. Маркова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Эволюция турецко-грузинских отношений: новые тенденции (экономический и военно-политический аспекты)** 148

Лариса М. Александян

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Концепт «темной стороны демократии» М. Манна для объяснения этнических чисток (на примере Югославии и Украины)** 159

Алина Е. Волкова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Политическая составляющая российско-латвийских отношений на современном этапе (2014 – начало 2017 гг.)** 169

Марат Ф. Касем

Contents

ECONOMY

- Moldova: State and Prospects of Development of Trade and Economic Cooperation with Russia** 96
Ludmila V. Fokina

INTERNATIONAL RELATIONS

- Ukraine – Turkey: the Political and Diplomatic Dialogue of the Geopolitical Neighbors Beginning of the XXI century (the institutional dimension)** 109
Viacheslav G. Tsviaty

HISTORY AND RELIGION

- About the science-theoretical measuring of history of revolutionary shocks in Russia (to the 100 year of February and October, 1917)** 118
Andrey V. Ishin.

POLITICS

- Political Aspect of the Institute of Extradition in Post-Soviet Space** 126
Vlasta L. Goricheva, Olga V. Levashova

POLITICS

- Information and Communication Technologies in Creating Political Media Reality in Russia** 137
Pavlyutenkova Marianna Yur'evna, Elena A. Markova

INTERNATIONAL RELATIONS

- The evolution of Turkish-Georgian relations: new trends (economic and military-political aspects)** 148
Larisa M. Aleksanyan

POLITICS

- The concept of «The dark side of democracy» by M. Mann for explaining ethnic cleansing (Evidence from Jugoslavia and Ukraine)** 159
Alina E. Volkova

INTERNATIONAL RELATIONS

- Political Component of Russian-Latvian Relations at the Present Stage (2014 - early 2017)** 169
Marat F. Kasem.

Молдова: состояние и перспективы развития торгово-экономического сотрудничества с Россией

Людмила В. Фокина

Институт экономики РАН (ИЭ РАН), Москва, Россия,

pr@inecon.ru

Аннотация: В статье речь идет о неоднозначном развитии молдавско-российского торгово-экономического сотрудничества, особенно в условиях изменения геозектора Молдовы (РМ) со стратегического партнерства с РФ на европейскую интеграцию. Односторонний вектор РМ в пользу европейской интеграции, подтвержденный окончательно молдавским руководством, после подписания Соглашения об ассоциации с ЕС и вступления в силу действия Зоны свободной торговли с ЕС (2014 г.) явился основной причиной значительной утраты традиционного российского рынка. Именно сотрудничество с Россией на протяжении многих лет занимало ключевую позицию во всей системе внешнеэкономических связей РМ. В разделе «Проевропейская трансформация внешнеэкономических связей и ее последствия» анализируются причины, приведшие к спаду взаимного внешнеторгового оборота стран. Упор сделан на основную причину вызова для торговли РФ с Молдовой, которая обусловила вынужденную политику РФ по защите своего внутреннего рынка от реэкспорта продукции из Европы. Россия приняла ряд ограничительных мер для РМ: фактически отмену зоны свободной торговли, введение пошлин на экспорт молдавской продукции, а также эмбарго на ввоз вин и агропродовольственной продукции. Кроме ужесточения таможенного режима, на Молдову была распространена также и позиция РФ по импортозамещению после того, как Запад ввел против нее санкции. В разделе «Приоритетные направления сотрудничества РМ с РФ» показана особая роль партнерства с Россией в значимых для молдавской экономики областях, как энергетика и винодельческое производство, в инвестиционном сотрудничестве, в сфере трудовой миграции. В итоговой части статьи говорится об инициативах всенародно избранного Президента РМ И. Додона (ноябрь 2016 г.), направленных на восстановление прежних внешнеторговых отношений с Россией и с другими странами ЕАЭС. В этой связи обращено внимание на то, что по согласованию И. Додона с российским Президентом В. Путиным (январь 2017 г.), уже начались первые подвижки в решении некоторых проблем. В частности, РФ во внешней торговле готова отменить ограничения по фитосанитарным нормам, а в сфере трудовой миграции предполагается амнистия для части молдавских гастарбайтеров, работающих в РФ. В то же время обращено внимание на существующее противодействие инициативе И. Додона по восстановлению стратегического партнерства с Россией в условиях сложившегося в стране двоевластия: президент — проевропейское парламентское большинство и правительство.

Ключевые слова: Молдова, смена геовектора на ЕС, утрата российского рынка, Соглашение об ассоциации Молдовы с ЕС, внешняя торговля, Президент Молдовы И. Додон, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), возможности восстановления связей с РФ

Для цитирования: Фокина Л. В. Молдова: состояние и перспективы развития торгово-экономического сотрудничества с Россией. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):96-108. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-96-108

Moldova: State and Prospects of Development of Trade and Economic Cooperation with Russia

Ludmila V. Fokina

*The Institute of Economics RAS (IE RAS), Moscow, Russia,
pr@inecon.ru*

Abstract: In the paper contradictory development of Moldavian-Russian trade and economic cooperation, especially in conditions of the change of Moldova's geovector from strategic partnership with the RF to European integration is studied. One-sided vector of the RM in favour of European integration finally confirmed by the Moldavian leadership after the signing of the Association agreement with the EU and enforcement of the Free trade zone with the EU (2014) was the principal cause of considerable loss of traditional Russian market. Just cooperation with Russia for many years took the key position in the system of external economic ties of Moldova. In the part "Pro-European transformation of external economic ties and its consequences" the causes of the crash of mutual foreign trade turnover of two countries are analysed. Emphasis is laid on the principal cause of the challenge for trade of the RF with Moldova which stipulated forced policy of the RF aimed at protection of its internal market from re-export of production from Europe. Russia adopted a number of restrictive measures against the RM including actual abolition of the free trade zone, introduction of duties on export of the Moldavian production as well as embargo on import of wines and agricultural production. Besides toughening of the customs regime, the position of the RF on import substitution was extended to Moldova after the West imposed sanctions against Russia. In the part "Priority directions of cooperation of the RM with the RF" special role of partnership with Russia in such important fields for the Moldavian economy as power engineering and wine-making production, in investment cooperation, in the sphere of labour migration is shown. In the concluding part of the article initiatives of publicly elected President of the RM I. Dodon (November 2016) aimed at restoration of former foreign trade ties with Russia and other EAEU countries are considered. In this connection attention is paid to the fact that by agreement of I. Dodon with the Russian President V. Putin (January 2017) the first progress in solution of some problems has appeared. In particular, the RF is ready to cancel restrictions by fito-sanitary norms, in the sphere of labour migration amnesty for the

part of Moldavian workers in the RF is proposed. At the same time attention is paid to existing opposition to the initiative of I. Dodon to restore strategic partnership with Russia in conditions of diarchy turned out in the country: president — pro-European parliamentary majority and government.

Keywords: Moldova, change of geovector to the EU, loss of the Russian market, Association agreement of Moldova with the EU, foreign trade, President of Moldova I. Dodon, Eurasian economic union (EAEU), opportunities of restoration of ties with the RF.

For citation: Fokina L. V. Moldova: State and Prospects of Development of Trade and Economic Cooperation with Russia. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(1):96-108. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-96-108

ВВЕДЕНИЕ

На постсоветском пространстве, возникшем в 1991 году, Республика Молдова (РМ) стала одной из наименее экономически развитых стран СНГ. Неизбежные трудности первых лет самостоятельного пути негативным образом повлияли на социально-экономическое положение в стране. Не в последнюю очередь ситуация зависела от способности руководства РМ оценить новую модель развития РМ с учетом потребностей и возможностей, в том числе во внешнеэкономической деятельности, исходя из национальных интересов. Трудно переоценить роль российского рынка, который на протяжении многих лет занимал ключевую позицию во всей системе внешнеэкономических связей РМ.

Правовое поле для международного сотрудничества с РФ определяется 180 документами, охватывающими большинство сфер экономики. В 2001 году (19 ноября) был заключен и вступил в силу (13 мая 2002 г.) базовый Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Молдова. Преамбула документа включала положения о стратегическом партнерстве между двумя странами и роли России, как посредника и гаранта политического урегулирования

приднестровского конфликта (в результате войны 1992 года и образования непризнанной Приднестровской Молдавской республики). В ноябре 2011 года действие Базового договора было автоматически продлено на 10 лет.

ПРОЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Долгосрочное развитие двусторонних молдавско-российских экономических отношений определяется Программой экономического сотрудничества между Республикой Молдова и Российской Федерацией на 2009-2020 гг. (от 14 ноября 2008 г.). Мониторинг ее реализации осуществляет Межправительственная молдавско-российская комиссия по экономическому и гуманитарному сотрудничеству. Следует заметить, что до 2003 года РФ оставалась стратегическим партнером РМ. Тогда Президент В. Воронин под давлением США отказался подписать подготовленный РФ «Меморандум Козака», предусматривавший урегулирование приднестровского конфликта. За этим шагом последовало изменение позиции РМ по геоэкономическому вектору в пользу европейской интеграции. В то же время эта тенденция

проявлялась постепенно. С 2006 года РМ активно участвовала в проектах ЕС «Новой европейской политики соседства», с 2009 года — в «Восточном партнерстве». ЕС продолжал усиленно форсировать интеграционные устремления в восточных соседях, в том числе в РМ. Господствовавшая проевропейская молдавская власть (с 2009 г.) позже даже объявила европейскую интеграцию безальтернативным вектором развития.

На протяжении многих лет важнейшей областью экономического сотрудничества с РФ являлась внешняя торговля. Поскольку РМ, практически, не имея энергетических ресурсов, не производя многие виды товаров, необходимые для внутреннего производства и потребления, нуждалась, как в стабильном сбыте своей продукции на традиционном емком российском рынке, так и в получении углеводородов, прежде всего — газа. Экономическое сотрудничество между РМ и РФ резко ухудшилось в 2014 году, когда парламент РМ ратифицировал Соглашение об ассоциации с ЕС. Согласно ему, республика должна была полностью открыть свой рынок для европейских товаров. Речь идет не только о «разрыве» торговых связей с РФ, хотя кризис в отношениях созрел и был очевидным. Само Соглашение с ЕС, во-первых, подрывало коренные интересы России в регионе. Поэтому РФ достаточно долго и дипломатично доказывала и предупреждала молдавскую власть о том, что после подписания и быстрой ратификации Соглашения с ЕС она приступит к конкретным защитным мерам своего рынка. В итоге после вступления в силу зоны свободной торговли с ЕС (ЗСТ) были приняты сначала защитные меры в области ветеринарии. К РМ стали применяться более жесткие требования на ветеринарные сертификаты защищенной формы Тамо-

женного союза. Затем с сентября 2014 года РФ ввела эмбарго на экспорт молдавских вин. В результате только за три последующих месяца убытки РМ превысили 20 млн. долл. Страна практически лишилась привилегий в торговле с РФ. В результате защитных мер российского рынка по 19 группам товаров уже к концу 2014 года экспорт в РФ сократился почти на треть, убытки оценивались в 200 млн. долл. При этом, как отмечала в ходе видеомоста «Молдова при новом правительстве» заместитель директора Института стратегических исследований и реформ Елена Горелова, для сравнения, в ЕС было отправлено молдавской агропродукции лишь на 100 млн. долл. Кроме этого, на экспорт молдавских товаров РФ ввела таможенные пошлины, например, на вино пошлину в 20%. Отметим также то, что с учетом сохранения РМ статуса участника ЗСТ СНГ с 2014 года были введены также ввозные таможенные пошлины для минимизации рисков от реэкспорта товаров из третьих стран. Российские контролирующие органы по обеспечению фитосанитарной безопасности — Россельхознадзор и Роспотребнадзор — ограничили поставку молдавской подкарantinной плодоовощной и винодельческой продукции. Таким образом, геополитика РМ взяла вверх над экономикой, что привело к утрате экономических выгод в наиболее ее конкурентных отраслях. По оценке молдавского эксперта М. Пойсика, из-за введенных ограничений, экспорт в Россию сократился почти втрое. Общее сокращение торговли с РФ стало устойчивым трендом. Негативное влияние оказывало и полное бездействие молдавской власти, чтобы бы попытаться начать «согласовывать условия контроля по недопущению реэкспорта европейских товаров в Россию» [1].

Таблица 1

**ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РМ С РФ В 2010-2016 ГГ. (МЛН. ДОЛЛ.),
(БЕЗ ДАННЫХ ПМР И Г. БЕНДЕРЫ).**

Показатели/год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Товарооборот РМ, всего: в т.ч.	1247,9	3383,6	4561,3	5396,8	7374,8	7856,5	6065,6
Товарооборот РМ с РФ	990,5	1448,5	1471,9	1420,0	1140,9	776,4	768,4
Экспорт РМ, всего:	1582,1	2974,5	2161,8	1541,5	2339,5	1966,9	2045,3
Экспорт в РФ	404,2	625,5	655,0	632,0	423,7	240,7	233,2
Доля РФ в экспорте РМ	25,5	28,2	30,3	26,0	18,1	12,2	11,4
Импорт, всего:	3855,3	5191,6	5213,1	5212,9	5317,0	3986,8	4020,3
Импорт РМ из РФ	586,5	823,0	816,9	788,0	717,2	535,7	535,2
Доля РФ в импорте РМ	15,2	15,9	15,7	14,3	13,5	13,4	13,3
Отрицательный баланс торговли, всего	2273,2	2974,5	3051,0	3064,1	2977,5	2020,0	1975,0
Отрицательный баланс торговли с РФ	182,3	197,5	161,9	156,1	293,5	295,0	302,0

Источник: Внешняя торговля Стран Содружества Независимых Государств. Статистический сборник. М. 2010, 2011, 2012; Социально-экономическое положение Республики Молдова в 2013 г., 2014 г., 2015 г., 2016 г. (по данным Национального бюро статистики РМ) Министерство экономического развития Российской Федерации. 2017. 20 января.

Согласно официальной статистике, в 2014 году объем внешней торговли РМ обвалился как по экспорту, так и по импорту, а в торговле с Россией произошла настоящая катастрофа: экспорт в РФ упал с 632 млн. долл. в 2013 году до 233,2 млн. долл. в 2016 году. Импорт из РФ за аналогичный период снизился с 788 млн. долл. до 535,2

млн. долл. По величине торгового оборота РМ со всеми внешнеторговыми партнерами, РФ в 2016 г. утратила первенство, переместившись на второе место вслед за Румынией. Доля РФ в общем экспорте РМ, которая начала снижаться уже в 2013 году (до 26% против 30,3% в 2012 г.), к 2017 году сократилась более чем в 2 раза — до 11,4%.

Аналогично доля РФ в общем молдавском импорте тоже сократилась, но не столь значительно (с 15,7% в 2012 г. до 13,3%). За счет более резкого сокращения экспортных поставок в РФ отрицательное торговое сальдо в торговле с РФ постепенно росло и достигло в 2016 году 302 млн. долл. (156,1 млн. долл. в 2013 г.). Внешнеторговый оборот Республики Молдова с РФ в 2016 году сократился до 768,4 млн. долл. (1420,0 млн. долл. в 2015 г.). Эта тенденция несколько замедлилась в 2016 году, снижение объема товарооборота с РФ за год составило 1%, а доля РФ в общем товарообороте Молдовы упала до 12,7% (см. Таблицу 1).

В силу слабого экономического потенциала традиционно структура молдавского экспорта в РФ, в сущности, не изменялась. Она по-прежнему представлена ограниченными группами товаров: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, машины, оборудование и транспортные средства, текстиль, текстильные изделия и обувь, металлы и изделия из них, продукция химической промышленности, каучук. При этом важно подчеркнуть, что в экспортной структуре с РФ преобладающее место принадлежит продукции из сельскохозяйственного сырья и продовольственным товарам (плодовоовощные консервы, соки, вина, коньяки) с низкой стоимостью. Надо иметь в виду, что товарная структура экономики и экспорта РМ за годы независимости практически не претерпела трансформацию. Согласно данным по международной торговле, порядка 85% пищевой, около 30% непищевой промышленности и 30% растениеводства было ориентировано на рынки СНГ. Именно эти группы экспортной продукции в РФ больше всего пострадали от введения в РФ программы импортозамещения (Постановление Правительства РФ № 736 2014 г. 31 июля). Ограничение доступа их на российский рынок принесло

значительные убытки молдавским производителям сельскохозяйственной и продовольственной продукции. Между тем РФ предупреждала власти РМ о том, что в случае создания углубленной ЗСТ с ЕС Россия не сможет сохранить режим свободной торговли с ней, поскольку двойное членство в двух ЗСТ станет каналом беспощадного проникновения европейских товаров на рынок РФ. Здесь уместно привести мнение молдавского аналитика Д.Чубашенко: «потеряв российский рынок, Молдова открыла свой внутренний рынок для европейских компаний, с которыми молдавский бизнес конкурировать не в состоянии».

Основу молдавского импорта из РФ по-прежнему составляет необходимая для экономики продукция: минеральное сырье, (прежде всего газ), продовольственные товары, продукция химической промышленности, машины, оборудование и транспортные средства. В ней преобладающее место занимают углеводороды, металлы и изделия из них, машины и оборудование.

Огромная роль РФ заключается в том, что она обеспечивает РМ энергоносителями. За счет российского газа обеспечивается более половины всех энергопотребностей страны. Республика импортирует также электроэнергию с Молдавской Приднестровской ГРЭС, являющейся собственностью российской компании «Интер РАО ЕЭС».

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МОЛДАВИИ С РФ

Говоря о потенциальных выгодах сотрудничества с РФ для Молдовы, следует выделить особенно две отрасли ее экономики, в которых республика имела явные и внушительные преимущества. К ним относятся винодельческая отрасль и энергетика.

Виноделие в Молдове является одной из бюджетобразующих отраслей экономики. Подчеркнем, что в сложившейся за

долгие годы товарной структуре молдавского экспорта в РФ традиционно большой объем составляли поставки вин и коньяка. К сожалению, следует признать, что в торговых связях обеих стран в этой сфере, порой, присутствовало больше политики, чем экономики. Сошлемся на некоторые примеры. Речь идет, в частности, о вводе Россией запрета на ввоз молдавской винодельческой продукции. Причем, с точки зрения РФ, запрет обуславливался объективными причинами, в том числе плохим качеством этой продукции. С точки зрения Молдовы, эмбарго мотивировалось в большей мере политическими соображениями — якобы не столь лояльным отношением к Москве. По времени введение запрета совпало с расширением связей РМ с ЕС — подписанием «Индивидуального плана действий Республики Молдова–ЕС на 2005-2007 гг.». Российское эмбарго сопровождалось негативным влиянием на развитие стратегической винодельческой отрасли РМ. Общий объем выпуска продукции на винодельческих предприятиях сократился наполовину. Одновременно кризис в этой отрасли привел к спаду производства в смежных отраслях (стеклянная промышленность, производство бумаги и картона и пр.). Понятно, почему, учитывая прошлый опыт, одной из главных задач для вновь всенародно избранного Президента Молдовы И. Додона (ноябрь 2016 г.) явилось возобновление поставок в РФ вин молдавскими компаниями. В условиях нового запрета на молдавские вина (сентябрь 2013 г.) Роспотребнадзор все же разрешил их поставки, но лишь винодельческим компаниям ПМР и Гагаузии, власти которых выступают за сближение с Евразийским союзом. Причем, по статистическим данным, если до 2006 года молдавские вина занимали свыше 60% на винном рынке РФ, то к 2013 году РМ удалось восстановить всего 10-12% от этого уровня. С тех пор

Молдова так и не смогла преодолеть негативные последствия от снижения экспорта винодельческой продукции в РФ и вернуть ее на российский рынок в прежних объемах. Либерализация экспорта молдавского вина в ЕС не компенсировала потери РМ от утраты российского рынка. Президент РМ И. Додон во время своего официального визита в Москву (16-18 января 2017 г.) прежде всего, обсудил с Президентом В. Путиным проблему возобновления поставок вина. Сейчас вино в РФ поставляют 9 компаний, главным образом, из ПМР и Гагаузии. По договоренности с РФ, уже в середине февраля 2017 года эксперты Роспотребнадзора обследовали 13 винодельческих компаний из РМ. По результатам проверки Роспотребнадзор дал добро на возобновление поставок вина с учетом его качества пока только пяти компаниям: Cricova, Chateau Vartely, Castel Mimi, Lion-Gri и «Молдогвин» [2].

Россия подкорректировала свою политику также в отношении молдавского экспорта овощей и фруктов. Следует сказать, что до эмбарго на долю российского рынка приходилось порядка 80% вывоза молдавской плодовоовощной продукции в общем объеме ее экспорт. Правом экспорта фруктов и овощей пользовалось 248 молдавских предприятий. В 2015 году (26 февраля) Россельхознадзор в виде эксперимента, частично предоставил разрешение на ввоз в РФ более 100 т. яблок для приднестровских поставщиков и 10 предприятиям из РМ. Постепенно их число увеличивалось, к концу июля 2016 г. уже более 40 компаний получили право на экспорт яблок, но в большинстве своем из Гагаузии и ПМР. Позже ввоз фруктов был разрешен более 130 предприятиям. При отмене фитосанитарных и ветеринарных ограничений, что обещал В. Путин И. Додону, их количество возрастет и, следовательно, объем экспорта фруктов в РФ увеличится.

После вступления в силу ЗСТ с ЕС, российские и молдавские партнеры так и не смогли договориться, как будут строиться взаимоотношения в области сельского хозяйства, чтобы исключить «вмешательство политики» в эту отрасль. Важнее это было для экономики Молдовы. Однако у европейской власти Молдовы русофобия взяла верх, что привело страну к лишению прошлых привилегий в торговле с РФ.

Переходя к особой роли России в энергетической сфере РМ, отметим, общеизвестный факт, что РМ не обладает собственными сырьевыми ресурсами и чрезвычайно зависит от внешних источников. Республика является чистым импортером углеводородов, при этом закупка газа осуществляется из единственного источника — России. Молдова обеспечивается стабильными поставками нефти и газа из РФ, за счет чего ее народнохозяйственные потребности, в частности в газе покрываются полностью. Исходя из этого, по логике, казалось бы, что на фоне отсутствия реальных альтернативных источников, Молдове необходимо продолжать выстраивать надежные партнерские отношения с «Газпромом». Для этого существуют механизмы, причем совершенно приемлемые для РМ, с учетом структуры ее экспорта, импорта и промышленного производства. Речь идет, прежде всего, о ценах на газ. Цена российского газа для РМ рассчитывается ежеквартально по специальной формуле, учитывающей цену реализации газа «Газпромом» в страны дальнего зарубежья, а также динамику цен на газойль и мазут, непосредственно предшествующих кварталу поставки газа. В 2013 году среднегодовая закупочная цена газа для РМ составляла 379,58 долл. за 1 тыс. куб. м. По данным АО "Молдовагаз", в 2014 году стоимость российского газа снизилась до 377 долл. В 2016 году, по данным Росстата и ЦБ РФ, цена «голубого топлива»

упала до 186 долл. за тыс. куб. м. При этом показательно, что РМ поднялась с 3-го на 2-е место среди стран СНГ по объему закупок газа у РФ. В первом квартале 2017 года цена на газ, с учетом мировых тенденций, продолжила снижаться. По данным «Молдовагаз» (13 марта 2017 г.) в течение всего года «Газпром» предусматривает поставить в РМ до 3,2 млрд куб. м. газа на общую предельную сумму 1046 млрд долл.

Для сотрудничества в газовой сфере между РМ и РФ характерна обоюдная заинтересованность. Россия проявляет еще свой интерес к транзиту газа через территорию РМ на Балканы. В этой связи ожидается, что в 2017 году АО «Молдовагаз» окажет транзитные услуги по транспортировке российского газа по территории РМ в объеме около 20 млрд куб. м. Это решение поддержали все акционеры «Газпрома», поскольку в заключении договоров и по закупкам газа РМ, и его транзите проявляется заинтересованность холдинга в будущем процессе осуществления обычной хозяйственной деятельности. Явные выгоды в 2017 году извлечет РМ за счет оплаты «Газпромом» порядка 60 млн. долл. за транзитные услуги газа.

Однако проблему в газовой сфере создает накопленный долг компанией «Молдовагаз», в которой три стороны (РМ, ПМР и РФ) имеют соответствующую долю собственности (50% акций принадлежит РФ). Россия включает в общую сумму долга и задолженность ПМР, которая достигла почти 6 млрд долл. при долге РМ — около 500 млн. долл. И. Додон тоже признал весь долг общим. Сейчас у РМ нет средств на его погашение. Перед правительством поставлена задача по изысканию схемы погашения общего газового долга. Россия, учитывая новые тенденции на мировом рынке, продолжает проводить более гибкую тарифную политику в газовых отноше-

ниях с РМ. Тот факт, что до сих пор ее долги не были взысканы «Газпромом», говорит о политической позиции Москвы в расчете на реинтеграцию РМ, и готова участвовать в этом процессе путем даже списания части приднестровского долга. Иначе этот долг «Газпром» уже бы давно предъявил к взысканию, применив совершенно четкие юридические механизмы. Заметим, что, по некоторым подсчетам, если бы РМ принимала участие в евразийской интеграции, то цена на российский газ была бы на порядок ниже, чем для европейских потребителей.

В то же время, в соответствии со стратегией Правительства по энергетической безопасности в рамках европейского вектора сотрудничества, Молдова в своем устремлении подключиться к энергорынку ЕС, подписала в Вене Протокол о вступлении в «Энергетическое сообщество». С целью снижения зависимости от российского газа, РМ предприняла некоторые шаги по диверсификации своего энергетического рынка. Одним из альтернативных источников, стало совместное строительство с Румынией газопровода Яссы-Унгены. Однако, как показала практика, после вступления его в строй, он оказался слабой альтернативой российскому газу. Хотя изначально было ясно, что такая маленькая ветка трубопровода в лучшем случае сможет обеспечить газом лишь часть сел двух районов РМ. В итоге при ежегодных потребностях страны в газе около 1,3 млрд куб. м. в 2015-2016 годы через газопровод Унгены-Яссы было импортировано всего 1 млн. куб. м. газа, предназначенного для жителей Унгенского и Ниспоренского районов. Сейчас подача газа по этой ветке прекращена также из-за разницы давления в газосистемах РМ и Румынии. По информации властей обеих стран, с середины 2018 года начнется новое строительство газопровода, продлевающего ветку Яссы-Унгены, до Кишинева.

Он рассчитан на реверсные поставки газа из Румынии в объеме 1,5 млрд куб. м. газа в год. Финансирование обеспечивается за счет инвестирования ЕС и ЕБРР.

Президент И. Додон проявляет искреннюю заинтересованность в сотрудничестве с РФ. В его президентской программе предусматривается цель — восстановление прежнего стратегического партнерства с Россией. Речь идет не только о внешне-торговых связях, а также об углубленном сотрудничестве по многим направлениям, что способно в будущем привести к интеграционной модели взаимодействия с РФ. Необходимость восстановления прежнего стратегического уровня связей, по мнению И. Додона, обуславливается тем, что «Молдова не выживет без российского рынка» [3]. Россия откликнулась на инициативу И. Додона. Об этом свидетельствует «Дорожная карта», подготовленная РФ к заседанию, после четырехлетнего перерыва, двусторонней межправительственной комиссии по экономическому и гуманитарному сотрудничеству (ноябрь 2016 г.). В ней, в частности, предусматривается возобновление экспорта в РФ молдавской сезонной растениеводческой продукции и продукции животного происхождения, поставок вин, консервированной продукции, а также увеличение количества молдавских предприятий, поставляющих эту продукцию на российский рынок. В «Дорожной карте» в отдельный раздел вынесено урегулирование проблемных вопросов в газовой сфере, включая долг перед «Газпромом». Еще одно предложение, выдвинутое РФ, касается ее заинтересованности в поставках электроэнергии в РМ с «Молдавской ГРЭС», находящейся на территории ПМР (принадлежит «Интер РАО ЕЭС»), по истечении срока контракта (в апреле 2017 г.). Нюанс заключается в том, что электричество ГРЭС вырабатывается из российского газа,

за который, как указывалось, ПМР не рассчитывается с «Газпромом». Теплоэлектростанция работает на газе, мазуте или угле и одним из источников этого топлива является российский газ. Сейчас неожиданно возникли трудности, из-за того, что против российской ГРЭС, выступила украинская компания «ДТЭК Трейдинг», входящая в структуру крупнейшего частного энергохолдинга ДТЭК олигарха Рината Ахметова. Она с 1 апреля 2017 года начала экспорт электроэнергии в РМ. По информации Министерства экономики РМ, предложение Украины по цене оказалось более привлекательным — 5,02 цента за 1 киловатт-час против 5,44 центов — от ПМР. Причем предложенная украинская цена значительно ниже цены на электричество для отечественной промышленности, (5-8 долл. за 1 киловатт-час.). Отсюда вытекает вывод, что контракт с Украиной носит исключительно элемент «гибридной войны» против России, с целью ее «выдавливания» с энергорынка РМ. Указанный контракт негативно скажется на социально-экономическом положении ПМР.

Следует обратить внимание еще на одну проблему, возникшую в результате реализации Соглашения о ЗСТ РМ с ЕС — ослабление межрегионального торгово-экономического сотрудничества с РФ. Как уже отмечалось, участие РМ в этой ЗСТ породило разбалансирование внешней торговли страны и сопровождалось, в том числе, спадом взаимного товарооборота с российскими регионами. Сейчас насчитывается 67 регионов РФ, сотрудничающих с молдавскими регионами, прежде всего, с партнерами из Гагаузии, г. Бельцы и ПМР. По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации, наибольший удельный вес в торговле с РМ занимают такие регионы РФ, как Москва, Санкт-Петербург, Московская, Белгород-

ская, Брянская, Ростовская, Смоленская и Вологодская области. Сокращение торговых связей с ними, следовало бы расценивать больше, как «близорукость» олигархического руководства РМ, сознательно проводящего пассивную политику против своих же регионов по налаживанию прежних связей с партнерами из России.

Аналогичное положение наблюдается и в области инвестиционного сотрудничества. Россия пока остается одним из лидеров по объему инвестиций в экономику РМ, прежде всего, в энергетическую и винодельческую отрасли. Речь идет о таких крупных компаниях на молдавском рынке, как «Газпром», «Лукойл», «Дионис-Клуб», «Арома» и др. «Газпром» инвестировал в совместное предприятие «Молдовагаз» около 150 млн. долл., российская компания «Интер РАО ЕЭС» инвестировала в Молдавскую ГРЭС более 100 млн. долл., в «Лукойл» — порядка 60 млн. долл. По данным Государственной регистрационной палаты РМ, в стране действуют 812 совместных предприятий с российским капиталом, в том числе одно из сохранившихся машиностроительных предприятий республики — кишиневский «Топаз».

Следует отметить также большую роль России по обеспечению роста экономики РМ благодаря сотрудничеству в сфере трудовой миграции. В течение многих лет именно внутренний спрос был драйвером этого процесса, который обеспечивался растущими из года в год поступлениями в бюджет валютных средств молдавских гастарбайтеров. Большинство их по-прежнему трудятся в РФ. Но из-за ужесточения миграционного законодательства РФ количество гастарбайтеров уменьшилось. Соответственно, поступления валютных переводов из РФ в РМ сократились. В то же время главными причинами, обусловившими снижение объемов денежных перево-

дов, явились: спад в экономике РФ, в том числе под влиянием западных санкций, и резкая девальвация российского рубля. По данным Центрального банка РФ, в 2016 году РМ заняла лишь 8-е место среди стран СНГ по объему денежных переводов из РФ (434 млн. долл.). При этом по сравнению с 2015 годом, их объем сократился (с 617 млн. долл.) почти на 30%. Итогом встречи Президента И. Додона с В. Путиным (17 января 2017 г.) стала амнистия 50 тыс. гастарбайтеров, депортированных из РФ из-за нарушения режима пребывания. Тем самым И. Додону уже удалось осуществить частично свои предвыборные обещания. Кроме достигнутых договоренностей по трудовым мигрантам, И. Додон, будучи мотивированным необходимостью изменения сложившегося перекоса во внешнеторговой позиции страны и соотношения геоэкономических векторов (ЕС и ЕАЭС), подписал рамочное Соглашение о сотрудничестве с ЕАЭС. Молдова получила статус наблюдателя этой организации (14 апреля 2017 г.).

Согласно данным Бюро статистики РМ, в течение 2014–2016 годов экспорт молдавской продукции в страны ЕАЭС сократился вдвое. Произошел спад также импорта из этих стран. Несмотря на то, что к концу 2016 года начала проявляться тенденция роста общего объема экспорта РМ (на 9,3%), по экспорту в отдельные страны ЕАЭС было зафиксировано большое падение. Так, по данным Центрального банка РФ (8 апреля 2017 г.) экспорт в Беларусь сократился на 20,1% (до 93,6 млн. долл.) в Казахстан — на 78,3% (до 12,4 млн. долл.), в Армению — на 13,6% (до 0,9 млн. долл.), в Киргизию — на 3,3% (до 1,6 млн. долл.), Таджикистан — на 33,7%, (до 0,5 млн. долл.) Для РМ по-прежнему страны ЕАЭС остаются крупнейшими и традиционными рынками сбыта. Поэтому так важен Меморандум с ЕАЭС, который придаст дополнительный импульс

для взаимодействия РМ с его партнерами. Причем важно подчеркнуть, что документ не является угрозой для дальнейшей реализации Соглашения об ассоциации с ЕС. По мнению И. Додона, сотрудничество с Евразийской комиссией полностью соответствует его краткосрочным и среднесрочным целям и не ведет к каким-либо юридическим последствиям. В этой связи показателен прозвучавший отклик официального представителя Европейской службы внешних действий Набила Массрали, что «Брюссель не против сближения Молдовы с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), только при условии выполнения Кишиневом своих обязательств в рамках Соглашения об ассоциации с Евросоюзом». С практической точки зрения сотрудничество с ЕАЭС позволит сбалансировать экономические связи РМ с восточными и западными партнерами. Возможно, появятся новые предпосылки для популяризации евразийской интеграции среди населения, что важно в контексте предстоящих парламентских выборов в 2018 году. В середине 2017 года в стране сложилось двоевластие: Президент И. Додон — проевропейское парламентское большинство с олигархическим правительством. Главные инициативы И. Додона, особенно касающиеся связей РМ с Россией и ЕАЭС, блокируются правящей правящей элитой. Между тем, согласно опросу (январь 2017 г.), большинство граждан РМ, уже поддерживают участие в евразийской интеграции, по сравнению со сторонниками евроинтеграции.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА МОЛДАВИИ С РОССИЕЙ

Общий вектор внешнеэкономической политики Молдовы постепенно будет сдвигаться в сторону России и евразийской интеграции при сохранении возможных выгод от евроинтеграции. Но такой поворот

во многом будет зависеть от итогов парламентских выборов в 2018 г. Победа Партии социалистов и соответственно получение наибольшего количества мест в парламенте позволит И. Додону сформировать новое неолигархическое правительство и парламентское большинство. Но все не так просто. Нынешняя правящая элита, стремясь сохранить власть, подготовила проект по изменению действующей избирательной системы на одномандатную систему. В противовес ей И. Додон предложил перейти к смешанной избирательной системе, но в случае отмены проекта перехода к одномандатной избирательной системе, президент откажется и от своего предложения. Несмотря на мощнейшее противодействие со стороны правящего олигархического режима во главе с В. Плахотнюком всем начинаниям И. Додона, ему удалось начать воплощение одного из самых главных своих пунктов предвыборной программы — постепенное восстановление стратегических партнёрских отношений с Россией и сближение с Евразийским экономическим союзом. На данном этапе разблокирование российско-молдавского политического диалога, достигнутого между президентами РФ и РМ, несомненно, нацелено на то, чтобы оно способствовало расширению двустороннего взаимодействия, в первую очередь в областях, наиболее значимых для развития экономики страны. Пока интенсификацию экономических отношений РФ и РМ можно усилить за счет увеличения поставок на российский рынок сельскохозяйственной и винодельческой продукции, при снятии некоторых введенных РФ торговых барьеров. Реализация этого направления сотрудничества с РФ была бы крайне выгодна и молдавскому бизнесу, и значительной части фермеров, в прошлом ориентированных на российский рынок, испытывающих большие трудности при

экспорте в ЕС недостаточно конкурентоспособной продукции, неся значительные убытки. Другим важным направлением для усиления взаимного экономического сотрудничества, как уже отмечалось, представляется область привлечения в экономику РМ инвестиций из РФ и других стран ЕАЭС. В целом подписанный Меморандум с ЕАЭС и статус наблюдателя РМ открывают новые возможности для участия РМ на льготных условиях в различных проектах экономического характера в рамках ЕАЭС. В перспективе реализация перечисленных возможностей позволит выйти и на уровень стратегического партнёрства с Россией. Таким образом, Молдова сейчас начнет полноправно принимать участие в обоих интеграционных проектах на евразийском континенте по примеру Армении и Казахстана, подписавших Соглашение с ЕС на более выгодных условиях, чем РМ, будучи членами ЕАЭС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстановление экономических связей с Россией важнее для РМ, чем для РФ. Это подтверждает откровенное высказывание И. Додона, что Молдова несет огромные убытки от свертывания отношений с Россией. Политика сближения Молдовы с РФ и ЕАЭС может способствовать переходу к совершенно иной модели развития сотрудничества на евразийском пространстве. Для России главные интересы в международных отношениях с РМ сосредоточены на приоритете геополитической составляющей. Речь идет, прежде всего, о заинтересованности в урегулировании приднестровского конфликта: получении особого статуса для ПМР в рамках территориальной целостности РМ. При этом Россия нацелена к поиску взаимоприемлемой государственно-правовой модели урегулирования этой проблемы на основе общепринятых

норм международного права. Кроме этого, РФ неоднократно высказывалась о своей заинтересованности в обязательном сохранении внеблокового и нейтрального статуса Молдовы.

В парламентской Республике Молдова, по Конституции, президент страны имеет ограниченные полномочия. В этих условиях не стоит чрезмерно обольщаться по поводу успешного воплощения в жизнь нынешних инициатив И. Додона. С целью

расширения своих полномочий, президент выносит этот вопрос на всенародный консультативный референдум, который, по согласованию с парламентом, состоится 24 сентября 2017 года. Несмотря на ограниченные полномочия, теперь у И. Додона имеется важное преимущество, как всенародно избранного президента. Это дает ему право ссылаться и надеяться на поддержку народа на предстоящих парламентских выборах в 2018 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пойсик. М. Проевропейская Молдова — от деградации к хаосу. *Бюллетень Молдово-Приднестровский регион*. 2017; 1-2: 81.
2. Лавренов С. Новая глава в российско-молдавских отношениях. *Бюллетень Молдово-Приднестровский регион*. 2017; 1-2: 69.

во-Приднестровский регион. 2017; 1-2: 69.

3. Осипов. Б. 25 лет независимости Молдовы — полет в никуда. *Бюллетень Молдово-Приднестровский регион*. 2017; 1-2: 68.

REFERENCES

1. Poysik. M. Pro-European Moldova — from degradation to chaos. *The Bulletin Moldovan-Transnistrian region*. 2017; 1-2: 81. (In Russ.)
2. Lavrenov S. New Chapter in Russian-Moldovan relations. *The Bulletin Moldovan-Transnistrian region*. 2017; 1-2: 69. (In Russ.)

3. Osipov. B. 25 years of independence of Moldova — flight to nowhere. *The Bulletin Moldovan-Transnistrian region*. 2017; 1-2: 68. (In Russ.)

.....
Статья получена 25.05.2017
Received 25.05.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Людмила В. Фокина, Институт экономики РАН, Москва, Россия; 117218 Россия, Москва, Нахимовский проспект, д.32; pr@inecon.ru

Ludmila V. Fokina, The Institute of Economics RAS, Moscow, Russia; 32, Nahimovskiy prospect, Moscow, Russia, 117218; pr@inecon.ru

DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-109-117

Украина–Турция: политико-дипломатический диалог геополитических соседей начала XXI века (институциональное измерение)

Вячеслав Г. Циватый

*Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина,
tsivatyi@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы институциональной модели политико-дипломатических отношений по линии Украина–Турция в контексте совершенствования институтов безопасности, достижений, задач и дилемм внешней политики и дипломатии, а также их влияния на эволюцию внешнеполитического курса этих стран в условиях глобализированного мира, новых вызовов и угроз современности в контексте новой архитектуры пространства безопасности XXI века. Турецкая Республика в последние годы заняла позиции регионального лидера и определилась со своей внешнеполитической стратегией в условиях нового полицентричного мира. В то же время, турецко-украинские и турецко-российские отношения занимают одно из центральных мест во внешней политике официальной Анкары и в значительной мере влияют на формирование её политики в Черноморско-Каспийском, Ближневосточном и других регионах мира, которые имеют для Турции стратегическое значение.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, геополитика, безопасность, институционализация, Турецкая Республика, Украина.

Для цитирования: Циватый В. Г. Украина–Турция: политико-дипломатический диалог геополитических соседей начала XXI века (институциональное измерение). *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):109-117. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-109-117.

Ukraine–Turkey: the Political and Diplomatic Dialogue of the Geopolitical Neighbors Beginning of the XXI century (the institutional dimension)

Viacheslav G. Tsivatyi

*Diplomatic Academy of Ukraine of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine, Kiev, Ukraine,
tsivatyi@gmail.com*

Abstract: The article deals with topical issues of the institutional model of political and diplomatic relations on the diagonally Ukraine–Turkey in the context of improving security institutions, achievements, problems and dilemmas of foreign policy and diplomacy, as well as their influence on the evolution of the foreign policy of these countries in a globalized world, new challenges and modern threats in the context of the new architectonic space security of the XXI century. The Republic of Turkey in recent years has taken the position of a regional leader and define its foreign policy strategy in the new polycentric world. At the same time, Ukrainian-Turkish and Turkish-Russian relations took a central place in the foreign policy of official Ankara, and greatly influenced the formation of its policy in the Black Sea and the Caspian Sea, the Middle East and other regions of the world that are of strategic importance for Turkey.

Keywords: foreign policy, diplomacy, geopolitics, security, institutionalization, Republic of Turkey, Ukraine.

For citation: Tsivatiy V. G. Ukraine–Turkey: the Difficult Political and Diplomatic Dialogue of the Geopolitical Neighbors Beginning of the XXI century (the institutional dimension). *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):109-117. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-109-117

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной темы обуславливается усилением внутренней нестабильности украинско-турецкого политико-дипломатического и институционального сотрудничества в 2014–2016 годах. Это связано со спецификой двусторонних межгосударственных отношений, углубляющейся глобализацией мирового пространства и с моделью полицентричного мира в целом.

Кадровые политико-дипломатические перестановки августа 2014 года концептуально не изменили внешнеполитический курс Турецкой Республики, но привнесли региональные акценты и новые дипломатические ударения (политические акценты) в межгосударственные диалоги в условиях новых политических вызовов XXI века. Исключением не стал диалог Украины и Турции.

УКРАИНА И ТУРЦИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

С начала развития ситуации на Востоке Украины Турция поддержала украинскую

сторону. При этом турецкая сторона подчеркивает и акцентирует внимание на необходимости мирного решения конфликта на Украине. Особое внимание в Анкаре уделяют вопросам безопасности крымских татар, обеспечения защиты их прав в Крыму. В глобальных и региональных международных организациях (международных организациях) Турецкая Республика поддерживает Украину в территориальных вопросах.

Экономические отношения Украины и Турции носят взаимодополняющий характер. Турция является второй страной по значимости экспортного рынка, при этом Украина имеет позитивное saldo. Средний показатель за пять последних лет составил около 2 млрд. дол. США. В 2014–2016 годах доля Турции в структуре украинского экспорта составила около 7%, импорта — 2,3%. Так, статистика за 2014–2016 годы указывает на то, что средний товарооборот между странами составил 4,6 млрд. дол. США, при этом основными статьями экспорта в Турцию были черный ме-

тал, удобрения, семечки и плоды масляных растений, дерево и изделия из древесины, а также продукты питания.

Некоторое замедление темпов экономического сотрудничества между Украиной и Турцией связано с объективными факторами, в частности, обострением украинско-российских отношений, конфликтом в Сирии, нестабильной ситуацией в Египте, а также замедлением темпов экономического роста в самой Турецкой Республике. Несмотря на временные трудности, руководство двух стран оптимистически видит будущее. Так, Украина и Турция намерены до конца 2017 года увеличить товарооборот до 10 млрд долларов, а к 2023 году — до 20 млрд. долларов. При этом, наблюдается усиление политического сотрудничества Анкары и Киева.

Турецко-украинское сотрудничество проходит на фоне постепенного восстановления, после непродолжительного обострения двусторонних турецко-российских межгосударственных отношений, политических и экономических отношений Турции с Россией. На протяжении последних лет сокращался турецкий экспорт в Россию и товарооборот между странами в целом. Эту тенденцию значительно усилила девальвация рубля и падение цен на энергоносители, что стало причиной введённых странами Запада санкций против России после обострения её политико-дипломатических и политико-экономических отношений с Украиной.

После инцидента с российским самолетом, приведшим к резкому ухудшению двухсторонних российско-турецких отношений, ряд аналитиков предрекли некий стратегический прорыв в украинско-турецких отношениях. Однако вряд ли этого можно ожидать в ближайшее время. Конечно, Турция не откажется от принципиальной поддержки Украины в от-

дельных вопросах, касающихся противоречий в российско-украинских отношениях. Этот политический курс будет продолжен и в дальнейшем. В тоже время главными приоритетами официальной Анкары является проведение сбалансированной внешней политики, направленной, прежде всего, на обеспечение собственных национальных интересов, а не интересов ни Украины, ни России. Развитие амбициозного проекта TANAP, способного подорвать транзитные возможности Украины, это подтверждает.

Внешнеполитический курс официальной Анкары будет определяться задачами внутривосточной повестки дня и решением вопросов экономического развития страны. Поэтому украинцам следует отвыкнуть от использования эмоциональных оценок в сфере внешней политики и безопасности, ведь они мешают объективному анализу происходящих процессов.

В последние годы Москва продвигает проект «Турецкий поток», который вызывает опасения в ЕС. Для европейцев транзит российского газа через Турцию выглядит опаснее, чем через Украину. Строительство газового хаба на турецкой земле, безусловно, станет важной геополитической и геоэкономической победой Эрдогана. Это позволит ему разговаривать с ЕС с более высоких позиций и требований. Именно поэтому акцент в двустороннем диалоге Анкары с Москвой сделан на проектах в сфере энергетики, прежде всего, на развитии совместных крупных инфраструктурных проектов (в первую очередь — трубопровод «Турецкий поток»).

ПРИОРИТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

Приоритеты внешней политики Турецкой Республики вызывают разную реакцию у её геополитических соседей, в том числе и в Украине. Смена политических правящих элит в Украине, обострение отношений

с Россией актуализировали проблему определения внешнеполитических приоритетов Турции в полицентричном мире XXI века. Чтобы оставаться успешным региональным лидером Турецкая Республика должна исповедовать демократические ценности и устанавливать современное институциональное виденье в новую модель турецкой дипломатии, а также улучшать имидж страны на международной арене, над чем сейчас и работает современная дипломатическая служба Турции.

Перспективным направлением решения многочисленных противоречий и парадоксов может быть применение теории институционализма, которая акцентирует внимание на последовательности трансформаций, регионально-институциональных последствиях и корреляциях соответствующего расхождения социально-политических траекторий развития международно-политических регионов. Вместе с тем целый ряд обстоятельств, касающихся характера, масштабов, долгосрочности текущего внешнеполитического тренда Турция–Украина, а также масштабов его поддержки в обществе остаются неопределёнными. При этом следует подчеркнуть, что текущая политическая ситуация в Украине, оказывающая прямое воздействие на выработку внешнеполитического курса, определяется целым рядом проблемных факторов.

Среди них необходимо выделить следующие факторы: нестабильность существующей социально-политической, институциональной и интеграционной систем управления; отсутствие стратегического видения в рамках украинской правящей элиты; борьба за власть, влияние и лидерство в Украине между региональными и внерегиональными игроками и т.д. Для Турецкой Республики развитие ситуации в Украине представляет жизненно важный интерес. В этой связи Турецкая Республика сохраня-

ет значительные возможности воздействия на выработку внешнеполитического курса Украины, при помощи использования различных механизмов политического влияния и дипломатического инструментария, при тесной координации своей политики и активизации сотрудничества с другими партнёрами геополитического пространства и с партнёрами по СНГ.

Турецкая Республика также учитывает украинский фактор в своей внешней политике, поскольку потенциал двусторонних отношений Турция–Украина достаточно высок. Во время визита Президента Турецкой Республики Реджепа Тайипа Эрдогана в Украину 20 марта 2015 года было Президентом двух государств было проведено Четвёртое заседание Стратегического Совета высокого уровня. На нем состоялось обсуждение всего спектра вопросов двустороннего сотрудничества. По итогам заседания Президент Украины сделал заявление, в котором отметил, что Турция является для Украины одним из основных стратегических партнёров.

Президенты обсудили также вопросы безопасности в Черноморском регионе, где, непосредственно сталкиваются региональные интересы Турции и России. По результатам заседания также было решено провести в ближайшее время очередное заседание Межправительственной украинско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству; очередное заседание Совместной украинско-турецкой комиссии по вопросам оборонно-промышленного сотрудничества; раунд переговоров по Соглашению о свободной торговле, а также первое заседание Рабочей группы по вопросам государственно-частного партнёрства. В целом можно отметить, что в треугольнике Турция–Россия–Украина Анкара ведёт собственную региональную и институциональную игру,

балансируя на противоречивых отношениях России и Украины. Президент Турции, заявил, что Анкара считает Украину своим стратегическим партнёром и поддерживает её территориальную целостность.

Такой тип внешнеполитического курса Турции опирается исключительно на дипломатические методы и инструментарий, а также отдаёт приоритет «мягкой силе». Это, прежде всего: финансовая поддержка, культурные проекты, образовательные проекты, научные проекты, научно-исследовательские программы, помощь бизнесу и т.д. Подобные государственные проекты не бывают благотворительными. Турецкая сторона «ростит» лояльную себе элиту в причерноморских, кавказских и среднеазиатских государствах, а также в других постсоветских государствах.

Модель турецкой дипломатии ориентированы на то, чтобы не идти на обострение ситуации в отношениях со своими государствами-соседами, в том числе и с Россией. Эти установки основываются на следующих аргументах: во-первых, они учитывают демографический фактор и имеют соответствующие демографические прогнозы; во-вторых, они не видят конструктива и приоритетности в позициях Европейского Союза и США по отношению к Турции.

Отношения между Турцией и Западом сейчас больше напоминают отношения не близких, а настороженно следящих друг за другом союзников. В союзе они состоят лишь в силу общих интересов, которых с каждым днём становится всё меньше, и традиций, которые тоже имеют обыкновение со временем забываться. В зыбком равновесии эти отношения ещё как-то поддерживает то, что, за исключением Сирии, президент Эрдоган пока в основном занят внутренними делами. После того, как он окончательно консолидировал свою власть в Турции, после победных летних пар-

ламентских выборов 2015 года, он начал уделять больше внимания международным делам. В следствие этого союз между Турцией и Западом попал в лабиринты новых испытаний на прочность в новой мировой политической среде.

В своих долгосрочных стратегических внешнеполитических планах Турция нацелена на дипломатический конструктив, несмотря на обострение новых политических вызовов и угроз XXI века. В этом ей помогает позиция России, которая в отличие от США, не ставит своим экономическим партнёрам никаких условий относительно взаимоотношений с третьими сторонами-государствами, считая это их суверенным правом. Уровень сотрудничества между Турцией и Россией определяется институциональными экономическими связями, которые в последние годы оказывают определённое воздействие на политические отношения и дипломатические контакты, стимулируя стороны проявлять искусственную сдержанность при возникновении разногласий по внешнеполитическим проблемам.

До инцидента с российским бомбардировщиком Су-24 ничто не предвещало резкого осложнения в российско-турецких отношениях. По уровню геополитического влияния и экономической мощи Турция является вторым после Китая соседним с Россией государством. Чрезвычайно выгодное географическое положение «в центре мира», мощный экономический потенциал и большие человеческие ресурсы позволяют Турции быть уникальным связующим звеном между Востоком и Западом, Югом и Севером, Украиной и Россией, и проводить активную внешнюю политику и эффективную дипломатию в сопредельных регионах.

До последнего времени масштабному росту экономического сотрудничества между Россией и Турцией способствовало также определенное совпадение их планов и

взглядов по многим вопросам международной политики, несмотря на то, что обе страны принадлежат к разным военно-политическим блокам, а также имеют расхождения во взглядах на ситуацию вокруг Сирии, Нагорного Карабаха, Абхазии и Крыма. Москва и Анкара играют ведущую роль в международных институциях — Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). До недавнего времени рассматривался вопрос о вступлении Турции в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Турецкое евразийство направлено на формирование Евразийского сообщества славянских и тюркских народов в противовес западному доминированию, что было общей платформой в процессе взаимодействия турецкого и российского евразийства.

В Анкаре, Москве и Киеве считают, что черноморские страны могут самостоятельно обеспечить безопасность судоходства и стабильность в Черноморском регионе. Вопреки антироссийским санкциям, Турция решила воспользоваться противостоянием Запада и России с целью расширения торговли и экономического сотрудничества с РФ в 2015-2016 годах.

ОТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА ДО КОНФРОНТАЦИИ: УКРАИНА — ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА — РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

С укреплением позиций Турции на международном и региональном уровнях политическая и экономическая конкуренция между Турецкой Республикой и Российской Федерацией будет усиливаться. Однако она вряд ли перерастет в открытую вражду, учитывая стратегическую важность нормальных политических и экономических отношений для обеих стран.

Резкие политические действия и определённое противостояние России и Турции сблизили Киев и Анкару. В результате огра-

нительных мер и санкций Российской Федерации против Турецкой Республики в 2016 году, появились дополнительные возможности в украинско-турецком сотрудничестве. В этом контексте вполне уместно говорить о сближении двух стран, прежде всего, в военно-политической и политико-дипломатической областях.

Новый формат отношений Турции и Украины предполагает совместные мероприятия в сфере безопасности. Прежде всего, это касается двусторонних консультаций. Подобное сближение приведет к координации действий между Украиной и Турцией в Черноморском регионе для укрепления черноморской безопасности.

Стабилизирующим фактором межгосударственных отношений также является то, что Турция не только не присоединилась к западным санкциям в отношении России, но и не собирается следовать рекомендациям западных партнёров по ограничению или минимизации с ней экономических связей. Это решение продиктовано не столько симпатией прагматичного турецкого руководства к России, сколько перспективами получения дополнительных экономических преференций и возможностью в очередной раз продемонстрировать Западу свою политическую и дипломатическую самостоятельность как регионального актора-лидера.

Будущее турецко-российского и турецко-украинского партнёрства в значительной степени будет зависеть от способности Турции реально совмещать амбициозную политику регионального лидера с обязательствами, взятыми перед западными партнёрами, Россией и Украиной. Поэтому Россия и Турция, Украина и Турция, в новой политической среде искусно институционализировались в политико-дипломатический контент и политико-дипломатическую систему в условиях глобализованного мира и «модельного» партнёрства.

Компаративный анализ внешнеполитического курса Турецкой Республики в исторической динамике в контексте региональных геополитических процессов современного мира свидетельствует о поисках Турцией новой конфигурации межинституциональных связей и межгосударственных отношений в регионе Большого Ближнего Востока. При этом, особо пристальное внимание уделяется институционально-дипломатической практике двусторонних отношений Турция–Россия и двусторонних отношений Турция–Украина.

В 2016 году, политическим руководством Турецкой Республики рассматривается новая внешнеполитическая модель дипломатического конструктива, формирование новой внешнеполитической стратегии и выбора соответствующего дипломатического инструментария в контексте новой мировой политической среды и угроз глобализирующегося мира.

На фоне происходящего меняются институциональные отношения Турции с Европейским Союзом. В Брюсселе понимают, что Турция в нынешних условиях играет роль сдерживающего барьера для мощных потоков нелегальных иммигрантов, рвущихся из Сирии в страны Евросоюза. По экспертным данным, число мигрантов, которых приняла Турция за неполных последних два года, к середине 2016 года уже превысила 3 миллиона человек. На этом фоне Евросоюз сделал в 2016 году ряд очень смелых заявлений по поводу либерализации визового режима с Турцией вплоть до полной отмены виз.

Турция и Евросоюз сохраняют взаимную заинтересованность в развитии экономических отношений. На страны Европейского Союза приходится более 40% внешнеторговых операций Турции и около 75% прямых иностранных инвестиций Евросоюза в турецкую экономику. В тоже время, со сто-

роны Евросоюза наблюдается скепсис по поводу усиления стратегического сотрудничества с Турцией. Среди стран-членов ЕС нет единого мнения относительно возможности принятия Турции в Евросоюз. Так, Германия и Франция опасаются, что политически амбициозная и экономически развитая Турция составит им конкуренцию. Причиной для определенного торможения евроинтеграции Турции используются нерешенность кипрской проблемы, а также недемократичностью внутренней политики.

Сложно предсказать, в каком направлении будут развиваться отношения между Турцией и Европейским Союзом. Ясно одно: два партнера будут наращивать сотрудничество, нащупывая при этом всё больше точек для взаимного соприкосновения. Увеличивая ежегодные членские вклады в бюджет этой европейской организации, Турция наравне с Великобританией, Францией, Германией становится важным игроком в рамках Совета Европы. Это лишь дополнительно усиливает политическое влияние Турции на европейском континенте.

УКРАИНА – ТУРЦИЯ: ЧЕГО ОЖИДАТЬ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ?

На международной арене во втором десятилетии XXI века происходит смена институционального развития мирового сообщества и парадигмы глобального развития. В условиях полицентричной системы координат межгосударственных отношений происходит углубление политико-дипломатического процесса разрешения конфликтных ситуаций. На первое место выдвигается конференционная дипломатия, способная путём достижения консенсуса локализовать и разрешить конфликт. Поиск новой международной институции, которая будет эффективно решать споры и конфликты во всём мире, затянется ещё

надолго и фактически может свестись лишь к косметическому реформированию ныне существующей такой международной прима-институции — ООН.

Создание инновационной институции качественно нового уровня актуализировалось как никогда. Это прекрасно понимают большинство государств, особенно те, кто оказался на разломах политических материков полицентричного мира и ищут себя в новой системе институциональных координат XXI века.

Внешняя политика Турции характеризуется таким близким для украинских экспертов словом как многовекторность. Ее цель — повышение авторитета страны на глобальном и региональном уровнях, для достижения которой официальная Анкара сосредоточила свои усилия на следующих направлениях:

- активное участия в деятельности НАТО, реализация политики европейской интеграции на основе подписанного более 40 лет тому назад Соглашения об ассоциации с Евросоюзом и развитие стратегического партнерства с США. В этом плане важно отметить компонент безопасности, который переводит Турцию в категорию важных партнеров для Западных стран и Альянсов (на территории Турции размещены радары раннего предупреждения об угрозе ракетного удара в рамках системы ПРО НАТО). Турция играет важную роль в развитии отношений с Афганистаном, а также принимает активное участие в операциях Международной антитеррористической коалиции в Ираке и Сирии, предоставляя авиабазу Инджирлик для самолетов коалиции и нанесения самолетами ВВС Турции ударов по позициям террористов;
- Анкара активно взаимодействует с государствами Ближнего Востока и Южного Кавказа, порой в противовес политике

Российской Федерации. В контексте Южного Кавказа особый акцент делается на развитии политических, экономических и культурно-гуманитарных отношений с Азербайджаном и Грузией. Реализация планов по превращению Турции в важный энергетический и транспортный центр Евразии полностью соответствует стремлению Азербайджана по увеличению поставок на мировые рынки собственных энергоносителей и устремлениям Грузии укрепить свой статус транзитного государства;

- в последнее время Турция углубляет сотрудничество с Туркменистаном, прорабатывая возможность присоединения Туркменистана к амбициозному проекту TANAP — Южному газовому коридору, расширяющему возможности существующего Южнокавказского газопровода при участии Азербайджана, Грузии и Турции. Предполагаемая протяженность проекта составляет около 3,5 тысяч километров, а основной целью является повышение безопасности поставок газа в Европу, исключение России как монополиста в роли поставщика газа в Европу, а Украины — как страны-транзитера. Заявленная стоимость проекта оценивается в 45 млрд. долл. США. Данный проект призван обеспечить прямую связь между газовым рынком Евросоюза и крупнейшими газовыми месторождениями, находящихся на территории Азербайджана и Туркменистана и в перспективе Ирака, Ирана и Египта. Ключевой транзитной страной будет Турция. Первые поставки планируется начать в 2018 году в объеме около 10 млрд. куб. метров в год с дальнейшим увеличением до 30 млрд. куб. метров в год и более. Ожидается, что после 2020 года данный газопровод покроет 10-20% потребления газа ЕС. План реализации коридора предусматривает создание

по инициативе Европейской Комиссии так называемой «Каспийской организации развития», которая должна включить максимальное количество стран Каспийского региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возрастающая турбулентность всей системы международных отношений и внутриполитические потрясения в целом не отразились на украинско-турецких и российско-турецких отношениях. Политико-дипломатический и институциональный треугольник Украина–Турецкая Республика–Российская Федерация представляет собой новый тип политических межгосударственных отношений.

Отношения Украины и Турции могут быть примером и моделью для многих государств в регионе. От войн и противостояния они развились до небывалого сотрудничества и на рубеже XX–XXI веков приобрели совершенно иное качество. Контакты между двумя государствами стали лучше, чем в любой другой период их богатой истории. Качественному изменению отношений способствовало осознание обеими странами взаимных стратегических интересов, прежде всего в энергетической области, а также торговле и туризме.

Быстрый рост турецкой экономики, во многом благодаря ее успехам на российском рынке, существенно увеличил потребности

страны в энергоресурсах, а традиционные источники энергии уже не обеспечивают потребности турецкой экономики. Импорт энергоносителей из России, а затем и российское содействие в строительстве атомных электростанций являются одним из столпов сотрудничества двух стран.

Отношения Украины и Турецкой Республики можно рассматривать как пример межцивилизационного общения, пример отношений стран двух великих цивилизаций — исламской и православной как части христианской. Дружественные политико-дипломатические связи, сложившиеся между Украиной и Турцией, а также их особый статус могут способствовать созданию эффективных площадок по обсуждению самого широкого круга вопросов регионального и мирового значения.

Для качественного углубления взаимоотношений и в целях обеспечения действительного стратегического сотрудничества Украины и Турции необходимо выработать научно-философские и практические принципы формирования такого сотрудничества на основе общего понимания содержания геополитических категорий, происходящих глобальных и региональных изменений и новых общих вызовов в условиях полицентричного мира.

.....
Статья получена 02.04.2017

Received 02.04.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вячеслав Г. Циватый, Кандидат исторических наук, Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина; 01025, Украина, Киев, Михайловская площадь, д.2; tsivatyi@gmail.com

Viacheslav G. Tsivatiy, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine, Kiev, Ukraine; bld. 2, Mihailovsca str., Kiev 01025, Ukraine; tsivatyi@gmail.com

О научно-теоретическом измерении истории революционных потрясений в России (к 100-летию Февраля и Октября 1917 г.)

Андрей В. Ишин

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
doctory4eslavovi4@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена осмыслению научно-теоретического инструментария исследования революционных потрясений в России. Автор выявляет проблемные узлы научного поиска, формулирует историческую концепцию институционального подхода, обосновывает использование термина (концепта) «фрагментация власти». Автор доказывает смысловую ограниченность широко употребляемого доньше термина «двоевластие», выявляет фундаментальные отличия концепта «фрагментация власти» от «двоевластия». 100-летний юбилей революционных потрясений в России выдвигает перед исследователями насущную задачу комплексного осмысления причин, характера и последствий «Великой Русской Смуты».

Советская историография, преимущественно, рассматривала эти процессы под углом методологии исторического материализма, в фокусе сугубо классово-борьбы. Вполне естественно поэтому, что научные задачи, которые стояли перед учеными советской эпохи, лежали преимущественно в плоскости освещения события революции и Гражданской войны как проявлений борьбы «ведущего революционного класса» — пролетариата во главе с большевистской коммунистической партией с «регрессивными классами» — буржуазией, помещиками, духовенством, «кулачеством». При этом следует признать, что в рамках этого магистрального подхода, который мы предлагаем именовать историко-событийным подходом, исследователям удалось сформировать вполне целостную научную картину общественно-политического конфликта 1917-1922 годов, в целом выявить его движущие силы, ведущих политических акторов, проследить динамику событий.

Однако и в настоящее время в полной мере сохраняет свою актуальность задача всестороннего научного анализа структурно-функциональных особенностей становления и эволюции органов власти, которые функционировали в рамках различных политических режимов, в том числе режимов антибольшевистской направленности, специфики их взаимоотношений, основных направлений политики, причинно-следственных факторов, которые обуславливали принятие и практическую реализацию важных управленческих решений.

Как и несколько десятилетий ранее, в повестке дня современной науки остро стоит вопрос выяснения причин окончательного утверждения большевистской модели Советской власти, и, соответственно, общего поражения оппонентов этой модели на пространстве бывшей Российской империи.

Ключевые слова: революционные потрясения, институциональный подход, фрагментация власти, государственные учреждения.

Для цитирования: Ишин А. В. О научно-теоретическом измерении истории революционных потрясений в России (к 100-летию Февраля и Октября 1917 г.). *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):118-125. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-118-125

About the science-theoretical measuring of history of revolutionary shocks in Russia (to the 100 year of February and October, 1917)

Andrey V. Ishin

*Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia,
doctorvy4eslavovi4@mail.ru*

Abstract. The article is devoted the comprehension of the science-theoretical tool of research of revolutionary shocks in Russia. The 100-years-old anniversary of revolutionary shocks in Russia pulls out before researchers the vital task of complex comprehension of reasons, character and consequences of revolution. Scientific tasks which stood before the scientists of soviet epoch lay mainly inplane illumination of event of revolution and Civil war as displays of fight of «leading revolutionary class» — proletariat at the head with bolshevist communist party with «regressive classes» — bourgeoisie, squires, clergy, the «kulak». Within the framework of this main approach, researchers succeeded to form the fully integral scientific picture of social and political conflict of 1917-1922 years, on the whole to expose his motive forces, leading political actors, to trace the dynamics of events.

However and presently to a full degree the task of comprehensive scientific analysis of structural-functional features of becoming and evolution of organs of power saves the actuality, which functioned within the framework of the different political modes, including modes of antibolshevist orientation. The important element of search is an exposure of specific of mutual relations of public institutions, basic directions of policy, historical factors which stipulated acceptance and practical realization of important administrative decisions.

Institucional approach must organically complement dominant to this day in scientific literature historical-event approach. Institucional approach consists in that a look to the social and political process is inplane not «from» (as in the historical-event measuring) outside, and, vice versa, «from within». In obedience to this approach, research attention applies foremost on subsoil and on organization of administrative mechanisms, internal logic of acceptance both key and, on the face of it, second-rate decisions, tracing of consequences of these decisions, in the nearest and remote historical prospect. The system of organization of power, accentuation of certain valued orientiriv, character of co-operation, between leading organs acquire the value of major (and sometimes decision) factor of social and political process. Important advantage offered approach

is that he allows expressly to realize the «central nerve» of epoch, trace the change of socialideological dominants, transformation of management methods.

Within the framework of institutional approach an author grounds the use of term «fragmentation of power». An author shows that this term is more universal, than term «diarchy», which presently prevails in scientific literature. In the article the fundamental differences of term come to light «fragmentation of power» from a term «diarchy».

Keywords: revolutionary shocks, institutional approach, fragmentation of power, public institutions.

For citation: Ishin A. V. About the science-theoretical measuring of history of revolutionary shocks in Russia (to the 100 year of February and October, 1917). *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):118-125. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-118-125

ВВЕДЕНИЕ

Целью исследования является выявление новых теоретико-методологических форм исследования, адекватного научно-теоретического инструментария. Задачи исследования обусловлены необходимостью обоснования институционального подхода, как универсального методологического инструмента в изучении революционных процессов.

Институциональный подход в истории, по нашему убеждению, в отличие от сугубо политико-экономической его интерпретации, предложенной еще в 1916 г. У. Хамилтоном, заключается в том, что взгляд на общественно-политический процесс находится в плоскости не «вовне», а, наоборот, «внутри». В соответствии с этим подходом, внимание исследователя обращено в первую очередь на фундамент и на организацию управленческих механизмов, внутреннюю логику принятия как ключевых, так и, на первый взгляд, второстепенных решений, выявление последствий этих решений в ближайшей и отдаленной исторической перспективе.

Система организации власти, акцентуация известных ценностных ориентиров, характер взаимодействия между руководящими структурами обретают значение

важнейшего (а иногда решающего) фактора общественно-политического процесса.

Крайне важный научно-теоретический вклад в разработку структурно-функциональной проблематики функционирования государственного аппарата внесли работы выдающихся отечественных историков — Г. З. Иоффе [4; 5; 6], А. Я. Авреха [1], Н. П. Ерошкина [3] и некоторых других, оказавшие существенное влияние на формирование нашей концепции.

Отметим также, что институциональный подход, с нашей точки зрения, неверно противопоставлять доминирующему доньше в научной литературе историко-событийному подходу. Речь должна идти, скорее, об органическом дополнении последнего, при опоре на интервальную методологию, предложенную профессором Ф. В. Лазаревым [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важным преимуществом институционального подхода является то, что он позволяет четко уяснить «центральный нерв» эпохи, проследить смену социально-идеологических доминант в управлении регионами, а также трансформацию методов управления.

Так, если в период между февралем и октябрём 1917 г. управленческие механизмы были подчинены идее созыва Учредительного собрания, разрушительной по своей сути «демократизации» вооружённых сил, вовлечения в управление страной общественных организаций с неясными полномочиями и статусом (т.н. «общественные комитеты»), социальному популизму, то в период широкомасштабной Гражданской войны в значительной мере трансформируется сама философия управления. По нашему убеждению, в целом Гражданскую войну можно рассматривать как борьбу диктатур, но характер этих диктатур, их цели и общая направленность существенно отличались.

Если фундамент большевистской диктатуры составляла военно-коммунистическая политика, откровенное стремление руководства РКП (б) максимально, любым путём (массовый террор, реквизиции и т.д.), сконцентрировать в своих руках ресурсы для «мировой революции», то «белые» диктатуры были подчинены идее гармонизации социальных противоречий на базе законности и жесткого порядка (хотя нужно откровенно признать, что эти категории, по-разному осознаваемые отдельными антибольшевистскими режимами, на протяжении всего периода Гражданской войны оставались, скорее, политическими идеалами, нежели практическими реалиями).

Использование институционального подхода позволяет проследить: как именно трансформировалась политическая миссия тех или иных государственных учреждений.

Так, если в «межреволюционный период» 1917 года реальное значение правоохранительных структур было крайне низким, то в период окончательного утверждения большевистской модели Советской

власти репрессивные структуры приобретают признаки едва ли не наиважнейшего инструмента управления, становятся «го-

сударством в государстве», а иногда даже конкурируют с руководящей властью Областных комитетов РКП (б).

Соответственно, меняется и политическое значение местного самоуправления: в период Февральской революции и «краевой период» оно переживает известный подъём, а в период большевицкой и «белой» диктатур — напротив, его значение падает.

Отметим также, что заявленный подход отлично коррелируется с теорией идеальных типов выдающегося немецкого социолога М. Вебера. Так, мы можем выделить в качестве отдельных идеальных типов концепты «единой и неделимой Российской империи» (этот концепт исповедовала царская администрация, а также значительная часть руководства Белого движения); «полного народовластия» с абсолютизацией таких учреждений, как Учредительное собрание, земские собрания, общественные комитеты и т.д. (указанный тип был присущ деятелям Временного правительства и подчиненных ему органов); «Крымско-татарского национального государства» (этот идеальный тип отразился в программных установках деятелей крымско-татарской Директории); «диктатуры пролетариата» (на этот тип ориентировалось руководство РКП (б) и руководство подотчетных ему советских республик).

Перечисленные типы политического устройства так и остались в чистом виде «идеальными», то есть в абсолютном измерении недостижимыми, однако выполняли роль важного ориентира, своеобразного политического маяка для целого ряда политических режимов и представителей разнонаправленных по своей идеологии элит.

Отдельный аспект в использовании институционального подхода заключается в анализе структурно-функционального измерения Февральской революции как от-

правной точки деструкции традиционной для Российской империи социокультурной и политической реальности.

До сих пор в отечественной историографии для осмысления комплекса общественно-политических проблем, обусловленных последствиями Февраля 1917 года, используется научный термин «двоевластие».

В научный оборот этот термин был введен лидером большевистской партии В. И. Лениным. Так, в проекте партийной платформы «Задачи пролетариата в нашей революции» (1917 г.) В. И. Ленин следующим образом сформулировал суть феномена двоевластия: «Самой главной особенностью нашей революции, особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции двоевластие.

Это двоевластие проявляется в существовании двух правительств: главного, настоящего, действительного правительства буржуазии, «Временного правительства» Львова и К0, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, «контролирующего» правительства в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат» [11].

С нашей точки зрения, «двоевластие» не является термином ошибочным. Напротив, этот термин задает в целом правильный вектор анализа общественно-политической ситуации на пространстве бывшей Российской империи, сложившейся после Февральской революции.

Тем не менее, за пределами охвата этого научного термина фактически оказался третий важнейший центр концентрации власти, который в 1917 году стал играть

самостоятельную политическую роль — Ставка Верховного Главнокомандующего, а также ее органы на местах — штабы отдельных военных округов.

Отметим, что в свое время именно Ставка сыграла особую роль в отрешении от власти императора Николая II, которое по сути стало кульминацией Февраля.

Вспомним и некоторые эпистолярные источники, в частности, письмо Председателя Государственной Думы М. В. Родзянко Председателю Временного правительства Г. Е. Львову от 18 марта 1917 года. В этом письме М. В. Родзянко фактически обвинил генерала М. В. Алексеева (в марте–мае 1917 года занимал должность Верховного Главнокомандующего) в попытках узурпации власти: «...генерал Алексеев всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа, и что армия должна как бы возглавлять собою и правительство, и все его мероприятия» [2].

Политическая роль Ставки существенно возросла в период с 18 июля до 2 августа 1917 года, когда должность Главнокомандующего занимал Л. Г. Корнилов — ведущий архитектор неудачного вооруженного выступления, направленного на трансформацию системы государственной власти в направлении военной диктатуры [9]. Однако и после ликвидации «корниловского мятежа» военная составляющая политической системы продолжала претендовать на собственную политическую роль, особенно с учетом фактора продолжавшейся I Мировой войны, о чем убедительно свидетельствует ряд важных архивных источников (Государственный архив Республики Крым. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 2).

Исходя из приведенных наблюдений, более обоснованным, чем «двоевластие», нам представляется использование научного термина «фрагментация власти», который

мы вводим в научный оборот в формате институционального подхода для изучения процессов революции и Гражданской войны.

Суть концепта фрагментации заключается в том, что вследствие Февральской революции как в центре страны, так и в провинциях, сформировалось три основных властных центра, претендующих на гегемонию: Временное правительство и его органы на местах, Советы рабочих и солдатских депутатов, Ставка Верховного Главнокомандующего. В отличие от известного политико-правового принципа разделения властей, введенного в научный оборот Шарлем-Луи де Монтескьё, при котором законодательная, исполнительная и судебная ветви власти действуют строго в рамках отведенных полномочий, органично дополняя друг друга, фрагментация власти выразилась в борьбе за всю полноту политической власти между тремя основными центрами. При этом правовой статус этих центров после отрешения от власти императора Николая II был не вполне ясен даже для самих их создателей. Фрагментация, без преувеличения, стала «системным нервом» революции, крайне негативно отразившись на функционировании всех государственных институтов, что обусловило всесторонний кризис управления, обострило социальные противоречия.

Другим важнейшим следствием процесса фрагментации стал фактический пересмотр многовековой традиции государственного развития, что наиболее рельефно проявилось во вмешательстве Советов в деятельность вооруженных сил, пагубном в условиях продолжавшейся мировой войны, на что мы обращали внимание в некоторых наших работах [7, 8].

Логическим следствием фрагментации власти собственно и становится сама Гражданская война, когда на базе одного

из центров (а именно Советов) вырастает большевистская диктатура, на базе другого (Ставка) — соответственно, диктатуры белых режимов, а Временное правительство в конечном итоге уходит в историческое небытие.

С нашей точки зрения, термин «фрагментация власти» является более универсальным, чем «двоевластие». Если последнее затрагивает исключительно плоскость взаимоотношений органов Временного правительства и Советов, то «фрагментацию» вполне можно экстраполировать не только в сферу отношений между разными по характеру образования органами власти, но и в область конфликтов и противоречий между органами одного типа.

Например, ряд выявленных нами архивных источников свидетельствует о конфликтах между сугубо военными и военно-репрессивными структурами в Крыму в 1921 году [7]. Или же мы имеем свидетельства противоречий между Симферопольским и Севастопольским Советами в 1917 году, между Симферопольским и Севастопольским революционными комитетами в 1918 году. Перечень таких примеров можно приводить и далее.

Кроме того, термин «фрагментация власти» имеет еще одно существенное отличие от термина «двоевластие». Хронология двоевластия, согласно выводам историографии, ограничивается временем с марта по июль или же по октябрь 1917 года и связывается, соответственно, или с подавлением властью Временного правительства вооруженных демонстраций рабочих, солдат и матросов в Петрограде и обретением этим правительством чрезвычайных полномочий, или же с октябрьскими событиями, которые повлекли крах Временного правительства.

Использование же термина «фрагментация власти» (хотя и с некоторыми оговор-

ками, связанными со спецификой ситуации в каждом отдельном регионе) вполне правомерно в отношении всего периода Гражданской войны — вплоть до появления устойчивых признаков политической стабильности, связанных с окончательным установлением большевицкой модели Советской власти, то есть не ранее 1922 года.

Используя термин «фрагментация власти», исследователям необходимо учитывать, что разнообразны правительственные учреждения (от Сибири до Крыма), Советы или их аналоги, а также военные штабы, руководящие репрессивные структуры и т.д., действовали не сами по себе, а фактически были трансляторами влияний реальных «центров силы» — политических партий и групп, фундаторов национальных движений, а в ряде случаев — международных субъектов геополитики.

Этот фактор обуславливает еще одну важнейшую историческую особенность этого термина — фрагментация может начинаться (или проявляться) как борьба личностей (например, А. Ф. Керенский–Л. Г. Корнилов, И. В. Сталин–Л. Д. Троцкий и т. п.), а затем неизбежно приобретает объективные признаки, задавая всему политическому процессу разрушительную инерцию.

Отсюда следует еще один важнейший тезис — а именно, причины победы (и, соответственно, поражения) в Гражданской войне в решающей мере обусловлены *спецификой модели самоорганизации политического режима* — его реальной способностью своевременно воспрепятствовать фрагментации, или же «заморозить» ее на ранних стадиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование теоретического концепта (термина) «фрагментация власти» как важной составляющей предложенной нами интерпретации институционального подхода, открывает для исследователей процессов общественно-политических трансформаций периода революции и Гражданской войны *качественно новые возможности*.

В частности, это позволяет проникнуть во «внутреннюю логику» исторического процесса, на новом уровне проследить структурно-функциональные причины и последствия революционных потрясений на пространстве бывшей Российской империи, усовершенствовать научные представления о содержательных признаках, динамике и характере процессов государственного строительства в этот сложный и противоречивый период отечественной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. Москва: Наука; 1989. с. 256.
2. Адоратский В.В., Максаков В.В., Пичет В.И., Покровский М.Н., Полонский В.П., Фриче В.М. Генерал Алексеев и Временный Комитет Государственной Думы. Москва–Ленинград: Государственное издательство; 1922. Т.2. с. 284-286.
3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. Москва: Высшая школа; 1983. с. 352.
4. Иоффе Г.З. «Белое дело». Москва: Наука; 1989. С. 291.
5. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. Москва: Наука; 1977. с. 320.
6. Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. Москва: Наука; 1970. с. 264.
7. Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: АРИАЛ; 2012. с. 384.

8. Ишин А.В. Февральская революция 1917 года: инструментальный аспект. Проблемы постсоветского пространства. 2014; 1(1): 50-60.
9. Керенский А.Ф. Дело Корнилова. Москва: Задруга; 1918. с. 199.
10. Лазарев Ф.В. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь: Сонат; 2001. с. 264.
11. Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии). Москва: Издательство политической литературы; 1974. Т.31. с. 149–186.

REFERENCES

1. Avrekh A. Y. Tsarism on the eve of the overthrow. Moscow: Nauka; 1989. p. 256. (In Russ.)
2. Adoratsky V. V., Maksakova V. V., Picheta V. I., Pokrovsky M. N., Polonsky V. P., Fritsche V. M. General Alexeyev and the Temporary Committee of the State Duma. Moscow–Leningrad: State publishing house; 1922. Vol. 2. p. 284–286. (In Russ.)
3. Eroshkin N. P. The history of state institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow: Higher school; 1983. p. 352. (In Russ.)
4. Ioffe G. Z. «White Case». Moscow: Nauka; 1989. p. 291. (In Russ.)
5. Ioffe G. Z. The Collapse of the Russian monarchist counter-revolution. Moscow: Nauka; 1977. p. 320. (In Russ.)
6. Ioffe G. Z. February revolution of 1917, the Anglo-American bourgeois historiography. Moscow: Nauka; 1970. p. 264. (In Russ.)
7. Ishin A. V. Problems of state-building in the Crimea in 1917–1922. Simferopol: ARIAL; 2012. p. 384. (In Russ.)
8. Ishin A. B. the February revolution of 1917: the instrumental aspect. *Post-Soviet Issues*. 2014; 1(1): 50-60. (In Russ.)
9. Kerensky, A. F. The Case Of Kornilov. Moscow: Zadruga; 1918. p. 199. (In Russ.)
10. Lazarev F. V. Multidimensional Man. Introduction to interval anthropology. Simferopol: Sonat; 2001. p. 264. (In Russ.)
11. Lenin V. I. Goals of the proletariat in our revolution (Draft platform for the proletarian party). Moscow: Political literature; 1974. T. 31. p. 149–186. (In Russ.)

.....
Статья получена 05.06.2017
Received 05.06.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей В. Ишин, доктор исторических наук, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия; 295007, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д. 4; doctorvy4eslavovi4@mail.ru

Andrey V. Ishin, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of the Russian History, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Vernadskogo Prospekt, Simferopol, 295007, Russia; doctorvy4eslavovi4@mail.ru

Политический аспект института экстрадиции в постсоветском пространстве

Власта Л. Горичева^а, Ольга В. Левашова^б

^а*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия,
vlasta@mail.ru*

^б*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия,
olia.levashova@yandex.ru*

Аннотация. Институт экстрадиции имеет историю, длиной в тысячелетия, на протяжении которых, по мере усложнения общественных отношений, указанный институт пребывал в состоянии перманентного становления. Глобализация, как социально-политический феномен, оказала сильнейшее влияние на институт выдачи, осложнив и видоизменив этот процесс, заставляя его служить ответом на современные вызовы со стороны общества. И, несмотря на то, что постепенно институт экстрадиции стал характеризоваться позитивным отношением к правам человека, важным этапом на данном пути стали именно такие правовые акты, как Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция против пыток и многие другие, которые, в конечном итоге, обусловили изменение в привычном восприятии института экстрадиции, утвердив в нем необходимость обеспечения прав индивида в связи с выдачей в рамках межгосударственного сотрудничества.

Большая дискуссионность вопросов экстрадиции в правовой литературе, обилие правовых актов, отнюдь не однообразно подходящих к решению возникающих проблем, регулярно возникающие эмпирические доказательства отсутствия четко выработанных методов сотрудничества государств в вопросах экстрадиции — все это приводит к необходимости обращения к глубинным основам проблемы, определению места экстрадиции в системе международного права, разработке эффективных правовых норм, которые бы позволили институту экстрадиции полноценно проявить себя в вопросе борьбы с мировой преступностью. В постсоветском мире в институте экстрадиции появился свод правил и принципов, детерминирующих протекание процесса выдачи преступников: правило двойной криминальности, правило специализации, принцип «выдай, либо суди» и т.д.

Статья посвящена рассмотрению института экстрадиции и ориентирована на анализ своего прошлого, изменений, которые он претерпел в процессе становления, и проблем, с которыми этот институт в настоящее время сталкивается. Эта тема представляется весьма острой, собственно потому, что регулируется нормами не только отдельного государства, но и нормами международного права.

Неточности в современном законодательстве, уголовно-правовые проблемы института выдачи зачастую осложняются вмешательством политического фактора, иными словами отношения государств на мировой арене нередко оказывают огромное влияние на процесс экстрадиции. При этом, огромное влияние на институт экстрадиции оказывает текущая политическая обстановка и политические мотивы субъектов экстрадиции.

В данной работе авторы рассматривают политический аспект института экстрадиции (выдачи преступников) в современном законодательстве. Рассмотрение этих проблем, связанных с исключением политических преступлений из сферы выдачи, должно получить дальнейшее развитие, как в международном договорном праве, так и в национальном законодательстве.

Ключевые слова: экстрадиция (выдача преступников), политическое убежище, политические преступления, терроризм.

Для цитирования: Горичева В. Л., Левашова О. В. Политический аспект института экстрадиции в постсоветском пространстве. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):126-136. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-126-136

Political Aspect of the Institute of Extradition in Post-Soviet Space

Vlasta L. Goricheva^a, Olga V. Levashova^b,

^a*Yelets state University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia,*
vlasta@mail.ru

^b*Yelets state University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia,*
olia.levashova@yandex.ru

Abstract. The institution of extradition dates back from the thousands of years, during which the institution mentioned above has become in permanent evolving, with social relations getting complicated. Globalization, as a socio-political phenomenon, has the greatest impact on extradition having complicated and modified the process making it responds to current challenges on the part of society. And, despite the fact that eventually positive attitude toward human rights has come to characterize the institution of extradition, such legal acts as the Universal Declaration of Human Rights, Convention on the Protection of the Rights and Fundamental Freedoms, Convention against Torture and many others have become an important stage on its way, which ultimately have brought about changes in usual perception of the institution, having adopted the necessity of securing individual rights in it in connection with extradition through transnational cooperation.

Intensive discussion of extradition questions in legal literature, abundance of legal acts by no means approaching emerging issues repetitively, constantly arising empirical evidence of lack of clearly defined methods of international cooperation on extradition questions lead to the need to address the deep causes of the problem, to determine the place of extradition in the system of international law, to work out effective legal standards that would enable the institution of extradition to realize its full potential in the fight against world crime. In the post-Soviet space a set of regulations and principles, concerning extradition issues, appeared. It determined the process of getting out offenders: the rule of double criminality, the rule of specialization, the principle to extradite or prosecute and others.

The article is tied to study of the institution of extradition and is focused on the analysis of its past, changes, which it endured during its formation, and problems that the institution faces nowadays. This subject is quite sensitive strictly because it is regulated not only by rules of a particular state, but by rules of international law.

Contemporary international law can be characterized as a vector directed to protect human rights that undoubtedly affected the nature of the institution. Inaccuracies in contemporary legislation, penal problems of extradition are often complicated by interference of a political factor. In other words, relations between states on the world stage often have a huge influence on the process of extradition. At the same time, current political situation and political motives of subjects have a great impact on the institution of extradition.

In this work the authors consider the political aspect of the institution of extradition (giving the offenders out) in modern legislation. The study of these issues, connected with exclusion of political crimes from the scope of extradition, should be further developed in both international contract law and national legislation.

Keywords: extradition (giving the offenders out), political asylum, political crimes, terrorism

For citation: Goricheva V. L., Levashova O. V. Political Aspect of the Institute of Extradition in Post-Soviet Space. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):126-136. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-126-136

ВВЕДЕНИЕ

Политический аспект института экстрадиции основан на практике политического убежища, которая берет начало в XIX столетии. Подвергая анализу институт политического убежища, можно сделать вывод, что в отсутствие правовой защиты от высылки в этом случае, нивелировалась бы сама суть этого понятия — данное умозаключение можно наблюдать в работах О’Коннела [10]. В дальнейшем подход, который основывается на отказе в выдаче за политические преступления, получил в мировой практике название *political offence exception* — исключение политических преступлений. И хотя подобный подход с середины XIX века мы наблюдаем в договорных отношениях между различными государствами (Франция, Швеция, Бельгия, Великобритания, Нидерланды, Германия, США), Геофф Джилберт небезосновательно заявлял о том, что данная практика не выступает в роли общего принципа международного права,

а вопрос выдачи за политическое преступление — скорее, относится к вопросу частной государственной практики [7, p. 117].

Дело в том, что, в отличие от перечисленных ранее казусов экстрадиции, право чело- века на политическое убежище не получило такого же широкого признания на междуна- родном уровне. Еще более точно суть права убежища подмечена Л.Н. Анисимовым, ко- торый определяет его как основывающееся на государственном суверенитете и нося- щее исключительно политический характер [3, с. 168]. Будучи закрепленным статьей 14 Всеобщей декларации прав человека, право на убежище, тем не менее, в попытке ООН его кодифицировать, лишь было подкрепле- но не имеющей обязательной силы Декла- рацией о территориальном убежище 1967 года, носящей лишь рекомендательный ха- рактер [4, с. 125].

Необходимо отметить, что предоставле- ние убежища, если таковое имело место

быть, подразумевает следующие черты: разрешение въезда, поселение, обеспечение безопасности, невыдача лица в государство, способное подвергнуть его какого-либо рода преследованию. Также существуют особые меры по защите лиц, ищущих убежища, позволяющие им оставаться на территории государства, до того, как будет рассмотрено их обращение о том, чтобы получить статус беженца.

Исследование данного аспекта экстрадиции немыслимо без определения самого понятия политического преступления, которое, очевидно, весьма неоднозначно. Англо-американская доктрина «политического инцидента» основывается на необходимости политического преступления быть случайным и являться частью политических волнений. Данный подход весьма часто применялся американскими судьями для обоснования отказа в выдаче Великобритании членов Ирландской Республиканской Армии, которых обвиняли в совершении тяжких преступлений (в данном случае важно подчеркнуть тот факт, что США пренебрегли п.2 ст.1 Декларации о территориальном убежище: «На право искать убежище и пользоваться убежищем не может ссылаться никакое лицо, в отношении которого существуют серьезные основания полагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества по смыслу тех международных актов, которые были выработаны для того, чтобы предусмотреть нормы относительно этих преступлений»).

Вторая, более распространенная доктрина, называется доктриной политической мотивации: и хотя суть доктрины раскрыта в названии, необходимо заметить, что важным показателем здесь является определяемое судом соотношение применяемых средств и конечного результата. Сюда же

можно отнести критерий, подчеркнутый М. Браником в ходе анализа дела Виктора Васильева 1908 г.: политический элемент должен преобладать над общеуголовным [6, р. 178]. В деле *In re Ktir* было также отмечено, что: политические преступления должны быть мотивированы политическими страстями и осуществлены в рамках борьбы за власть, а также подчеркивалась значимость преследуемых интересов, чтобы оправдать причиненный ущерб [8, р. 349].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В мировой практике также существует доктрина «политической цели», в сущности, объединяющая в себе признаки первых двух доктрин. Отличительной же чертой предстает то, что критерием политического преступления выступает направленность преступления против власти и государственных интересов.

Политические преступления могут быть разделены на две категории: *purely political offences* (чисто политические преступления) и *relative political offences* (относительно политические преступления) [7, р. 239]. Под первыми следует понимать преступления, посягающие непосредственно на интересы государства, без вовлечения третьих лиц (шпионаж, измена, подстрекательство к мятежу и т. д.). Такие деяния не подпадают под требования правила двойного вменения и не могут быть включены в договоры об экстрадиции.

Очевидно, что, задаваясь целью определения «политичности» преступления, необходимо учитывать множество факторов: объективные и субъективные обстоятельства дела, затрагивание интересов государства, определение ущерба и объектов, которым он была нанесен, насколько политический аспект перевешивает уголовный, причинно-следственную связь между совершенным преступлением и его целью, пропор-

циональность политической цели и так далее. Вместе с изложенным необходимо также принимать во внимание трактовку политических преступлений, к примеру, в Германии, где к политическим преступлениям, по сути, не относятся любые деяния, направленные на то, чтобы с помощью насилия бороться с текущей властью.

Подчеркнем озабоченность мирового сообщества тем фактом, что в некоторых случаях предоставление убежища может касаться людей, которые совершили тяжкие преступления. Эта озабоченность вылилась в Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, указывающую на то, что перед принятием решения о предоставлении политического убежища необходимо убедиться в том, принимало ли лицо участие в террористической деятельности. Примером применения данного принципа может служить дело *McMullen vs INS*, когда в своем решении суд отметил, что взрывы, многочисленные убийства, пытки и тому подобное выходит за пределы политических преступлений, поскольку отсутствует достаточная связь между такой деятельностью и их политической целью. Вместе с тем, как уже подчеркивалось ранее, признание преступления политическим и последующее вынесение решения о предоставлении политического убежища остается на усмотрение властей того государства, в котором пребывает индивид.

Рассмотрим один документ, который вводит правило «деполитизации» преступления — Европейскую конвенцию о борьбе с терроризмом 1977 года. Данная конвенция создала условия и предпосылки для того, чтобы виновные в международном терроризме подлежали выдаче. Принятый в 2003 году Протокол, дополняющий данную Конвенцию, предусматривает, что для осуществления экстрадиции Договаривающиеся государства не станут политизи-

ровать преступления, сущность которых заключается в покушении на совершение деяний, попадающих под определение террористической деятельности. Правило деполитизации также применяется по отношению к преступлениям против человечности, геноциду, военным преступлениям. Обратим внимание также на тот факт, что правило деполитизации используется не только в международно-правовой практике, но и отражено во внутренних законах отдельных государств (Испания, Португалия, Италия, Азербайджан, Канада).

Подводя итог вышесказанному, можно отметить следующее:

- современная правовая практика базируется на правиле исключения политических преступлений из процесса экстрадиции;
- цель подобного правила — с одной стороны, защита прав человека, с другой — невмешательство во внутренние дела государства;
- для обеспечения наказания и ответственности лиц, совершивших тяжкие преступления, применяется правило деполитизации преступлений.

Тем не менее, необходимо отметить, что современное правовое поле не содержит четкого определения политического преступления и, более того, государства не стремятся к нему прийти, оставляя за собой право, толковать его так, как им это будет выгодно.

Что же является неотвратимым последствием подобного подхода? Рассмотрим для ответа на этот вопрос современную российскую действительность. Наиболее громкие и вызывающие наиболее мощный общественный резонанс споры о выдаче того или иного преступника (например, дело Ахмеда Закаева, Бориса Березовского, Виктора Бута, Эдварда Сноудена, Андрея Лугового) все чаще имеют политический оттенок, что обращает институт экстради-

ции в составную часть глобального политического противостояния и давления — с одной стороны, или же институт экстрадиции, будучи нацеленным на обеспечение транснациональной безопасности, априорно находится под контролем и перманентным влиянием уже имеющихся политических парадигм и отношений между государствами, что, естественно, отрицательно сказывается на его эффективности.

Как становится понятно из изучения практики применения института экстрадиции, сам элемент выдачи преступника является обязательным лишь в том случае, если между государствами достигнуты и документально закреплены соответствующие договоренности. В ином случае, экстрадиция является правом государства, но не его обязанностью. Поскольку порой договоры о выдаче между странами отсутствуют, производятся попытки достигнуть желаемого результата за счет политического и экономического давления, что, соответственно, подрывает позиции экстрадиции как транснационального явления международного права, целью которого является борьба с преступностью. Представляется очевидным, что наибольшего успеха в рамках применения договоров о выдаче преступников достигли страны Европейского Союза и стран, подписавших Европейскую Конвенцию о выдаче. Подробнее рассмотрим последнюю, поскольку ее подписание российской стороной хоть и произошло, но с оговорками, которые являются очень показательными, поскольку проливают свет на российское понимание процесса выдачи преступников. Итак, Россия ратифицировала данную конвенцию в 1999 году, однако, сделав оговорку о том, что Российская Федерация не будет осуществлять выдачу собственных граждан (к слову, помимо России, также с оговорками данная конвенция была подписана Израилем, ЮАР и Кореей). Дан-

ная позиция, хоть и является политически обусловленной с той точки зрения, что Россия пока стоит особняком в Европейской системе правовых отношений и интеграция в систему европейского права только начинает затрагивать нашу страну, тем не менее, данная позиция тормозит институт развития экстрадиции. Как мы помним, цель института экстрадиции — борьба с транснациональным аспектом преступности. Борьба же с преступностью подразумевает систему наказаний, а наказание, в свою очередь, среди своих целей имеет не только исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, но и восстановление социальной справедливости.

Рассмотрим вышесказанное на примере. Гражданин государства А по имени Х совершил преступление, находясь в стране В. Для наглядности, представим, что деянием, совершенным гражданином Х была торговля оружием. Очевидно, что, находясь в стране В, гражданин Х совершил преступление против интересов этой страны и, соответственно, против интересов ее народа. Следовательно, руководствуясь потребностью в восстановлении социальной справедливости, представляется логичным, если государство В само будет определять меру наказания для гражданина Х (что и произошло в действительности). Если же гражданин Х успел скрыться в собственной стране А, то страна А должна выдать гражданина Х стране В для судебного разбирательства.

Данный пример является обобщением дела Виктора Бута, и из данного примера видно, что Российская Федерация (являясь стороной, А и настаивая на экстрадиции Бута обратно на родину) пренебрегает схемой борьбы с международными преступлениями, пытаясь навязать миру свою методику борьбы с преступностью (правда, весьма обоснованно, принимая во внима-

ния общий политический фон, на котором происходит борьба с транснациональной преступностью в системе отношений «Россия Остальной мир»).

Вместе с тем, описанный пример является своего рода «идеальным типом» по М. Веберу, реальность же гораздо шире. На деле, в силу отсутствия унифицированной системы права, решения о выдаче своих граждан не всегда будет соответствовать принципу справедливости.

В условиях, когда многие государства только начинают или находятся в середине пути своей интеграции, особое место занимает принцип, сформированный Гуго Гроцием в книге «О праве войны и мира». Принцип «выдай либо суди» закреплен и в Европейской концепции о выдаче и в других документах, регламентирующих деятельность государств в вопросе института экстрадиции. На практике его применение означает следующее: если государство А отказывает государству В в выдаче лица, совершившего преступное деяние, оно обязано его судить. Что позволяет достигнуть уже упомянутых выше целей самой сути уголовного наказания. Вместе с тем, новейшая история Российско-Британских отношений является примечательной, поскольку за последние 20 лет данный принцип под различными предлогами неоднократно нарушался, что позволяло лицам, подозреваемым (а иногда и осужденным) в совершении общественно опасного деяния (а иногда и не одного), уходить от ответственности. Примеры следующие:

- **Ахмед Закаев.** Бригадный генерал самопровозглашенной ЧРИ. В 2001 году был объявлен Генпрокуратурой РФ в международный розыск по обвинению в терроризме, организации убийств мирного населения и сотрудников правоохранительных органов. Решением Лондонского

суда в 2003 в экстрадиции было отказано ввиду того, что Закаев преследуется на основании наличия определенных политических взглядов. Решением МВД Великобритании ему было предоставлено политическое убежище;

- **Борис Березовский.** С 20 сентября 2001 года он находился в розыске в России по обвинению в мошенничестве, отмывании денег, попытке насильственного захвата власти. Ссылаясь на факт предоставления в 2003 году Березовскому политического убежища, Великобритания отказала России в экстрадиции;
- **Андрей Луговой.** В июле 2007 года Великобритания потребовала от России выдачи Лугового как подозреваемого в убийстве гражданина Великобритании Литвиненко. Ссылаясь на конституционный запрет на выдачу своих граждан, Россия отказала в экстрадиции Лугового. Вместе с тем, Россия не предприняла попыток расследования дела Лугового, поскольку, как депутат Госдумы, Луговой обладает неприкосновенностью, поэтому в отношении него не могут быть проведены необходимые следственные мероприятия.

Как видно из перечисленных примеров, политика часто вмешивается в дела юриспруденции и международных правовых отношений, что создает благоприятную почву для развития транснациональной преступности, хотя это и не всегда является целью такого рода вмешательства. Следовательно, необходимо довести развитие института экстрадиции до такого уровня, когда вопросы выдачи преступников решались бы без вмешательства посторонних сил и вышли бы из под влияния факторов, тормозящих становление общества, свободного от преступности.

Из приведенных выше примеров следует еще одно интересное, хотя и предсказуемое,

обстоятельство: постоянное давление со стороны политического пространства, вернее, успешность этого давления, говорят о том, что у современных суверенных государств зачастую парадигма глобализации не выстроена в строгую логическую цепь, иными словами: объем прав и привилегий, предоставляемых процессом экономикой (в первую очередь), политической, культурной, юридической унификации, не совпадает с объемом признаваемых обязанностей. То есть, суверенные государства, включенные в единую систему взаимоотношений, охотно идут на сотрудничество на поле экономики, заключая всевозможные союзы, снижая различные квоты и налоги, на культурном поле — поддерживая обмен интеллектуальным и культурным достоянием, в вопросе защиты окружающей среды, в политических вопросах (создание международных военных организаций и блоков) — но, вместе с тем, на политическом уровне (особенно это находит свое выражение во внутренней политике, которая, собственно, и затрагивается объектом потенциальной экстрадиции) такое сотрудничество отсутствует.

ОТКАЗ ОТ ВЫДАЧИ СОБСТВЕННЫХ ГРАЖДАН

Другой нерешенной проблемой современного института экстрадиции выступает отказ от выдачи собственных граждан. В подавляющем большинстве случаев принадлежность к гражданству запрашиваемого государства является основанием, блокирующим экстрадицию. И хотя чаще всего экстрадиции подвергаются иностранцы, на практике не редки случаи, когда лицо совершает преступление на территории чужого государства, затем скрываясь на родине от правосудия. Тем не менее, теоретически в такой ситуации может возникнуть вопрос об их выдаче. Подавляющее большинство государств в таких случаях

отказывает в выдаче, из чего можно сделать вывод о том, что юридический статус лица как гражданина защищает его от выдачи.

Гражданство, в данном контексте, является длящимся правовым состоянием — и вопрос о выдаче своего гражданина является внутренним вопросом государства.

Однако вопрос о выдаче своих граждан не так однозначен. Вне всяких сомнений, расследование, последующее судебное разбирательство по уголовному делу будет куда эффективнее, если будет проводиться по месту совершения преступления, вместе с тем, выдача собственных граждан была в данном случае фактом ограничения суверенной власти государства над своими гражданами. Ситуация осложняется еще больше, если само деяние не является преступлением по законодательству запрашиваемого государства. Также необходимо учитывать, что будет сохраняться сомнение в объективности суда запрашивающего государства, стремящегося вершить правосудие над иностранцем. Именно поэтому такие запросы редко подлежат удовлетворению. В таких случаях хорошим вариантом развития событий является уже то, когда государства идут хоть на какие-то компромиссы. В этой связи можно вспомнить о деле Локкерби — взрыве самолета гражданами Ливии, которая, хоть и отказавшись выдавать своих граждан запрашивающим государствам, основываясь на своем законодательстве, тем не менее, разрешила их выдачу третьей стороне — Нидерландам, где и было произведено судебное разбирательство.

Надо отметить, что хотя практика невыдачи собственных граждан характерна для большинства государств континентальной системы права, в свете последнего правового развития некоторые страны (как, например, Германия) соглашаются экстрадировать собственных граждан в рамках

Европейского Союза. Выдача собственных граждан является обычной практикой для таких государств, как США, Великобритания и Канада, хотя в этом случае присутствует несколько условий:

- наличие договора, предусматривающего подобную выдачу;
- практика должна быть взаимной [5, с. 35].

Суды Великобритании весьма справедливо полагают, что невыдача своих граждан, равно как и любое другое строгое толкование внутреннего законодательства, в таких вопросах, как выдача преступников, является противодействием цели правосудия. Подобная практика закреплена и нашла свое отражение во многих межгосударственных договорах о выдаче.

В то же время, необходимо заметить, что невыдача собственных граждан не влечет за собой поощрение преступной деятельности. Когда лицо по причине принадлежности к запрашиваемому государству не может быть экстрадировано, по просьбе заинтересованной стороны оно может быть привлечено к ответственности, что подтверждается ч.2 ст.6 Европейской конвенции об экстрадиции и различными международными Договорами [9]. В данном случае в очередной раз находит свое применение принцип «aut dedere aut iudicare» — либо выдай, либо суди: «государства не должны допускать, чтобы другое государство вооруженной силой вступило в их пределы ради осуществления наказания, так как это нецелесообразно, то государство, в котором находится тот, кто уличен в преступлении, должно само или по требованию другого государства наказать по заслугам преступника или же предоставить это на усмотрение соответствующего государства [1, с. 508]». Особенно актуальным данный принцип является, когда речь идет о преступлениях против человечности, геноциде, военных преступлениях, терро-

ризм и т. д. Как отмечает Э. Давид: «обязательство пресекать военные преступления выступает в форме альтернативы aut dedere aut iudicare или aut prosequi. В соответствии с этим обязательством любое государство должно разыскивать исполнителей военных преступлений или преступлений против человечности и привлекать их к уголовной ответственности за эти деяния независимо от гражданства исполнителей преступлений и их жертв, а также места совершения деяний либо выдавать исполнителей этих преступлений согласно праву государства, к которому обращено требование об экстрадиции, любой державе, требующей их выдачи в целях преследования. Таким образом, государство обязано осуществить... универсальную уголовную компетенцию в отношении исполнителя военного преступления или преступления против человечности либо... выдать его любому заинтересованному государству [2, с. 507]».

К каким же можно прийти выводам, резюмируя постсоветскую историю института экстрадиции?

1. Необходимо отметить, что вопрос экстрадиции набирает в современном мире, пронизанном перманентным процессом взаимной интеграции государств, все большую актуальность. Что выливается в огромное количество договоров и конвенций, заключаемых различными государствами с целью упорядочивания института экстрадиции.
2. Важной характеристикой современного понятия об институте экстрадиции, в сравнении с его более ранними историческими этапами, является ряд правил, под эгидой которых осуществляется процесс выдачи преступников.
 - Правило двойного вменения, согласно которому для осуществления выдачи необходимо, чтобы деяние являлось преступным по законодательству обо-

их государств, принимающих участие в процессе экстрадиции.

- Правило специализации, защищающее экстрадированное лицо от преследования по каким-либо иным деяниям, не учтенным в самом запросе об экстрадиции.
3. Исходя из того, что сложившаяся мировая практика делает запрашиваемое государство в определенной степени ответственным за выдаваемое лицо, выдача в современном мире будет правомерной только в том случае, когда она не подразумевает нарушение прав человека.
- Таким образом, ограничивается выдача дискриминируемых по каким-либо признакам преступников.
 - Выдача становится невозможной, если наказанием выданному преступнику будет являться смертная казнь.
 - Выдача не осуществляется, если есть основания полагать, что к человеку со стороны запрашивающей стороны будут применены пытки.
 - В выдаче, вероятно, может быть отказано, если лицо преследуется за политические преступления.
4. В современном мире весьма популярной остается практика невыдачи собственных

граждан, совершивших правонарушение за пределами своего государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В чем же заключалась проблематика института экстрадиции на постсоветском этапе его развития? Судя по рассмотренным делам, складывается впечатление, что основной проблемой является чрезмерное вмешательство политики в дела юриспруденции, другими словами, международные правовые нормы, закрепляющие сущность, структуру и функции института выдачи преступников пока являются достаточно размытыми и абстрактными, что позволяет государствам, по сути, принимать решения о выдаче, основываясь не на соображениях поддержания мирового правопорядка, а исходя из своих личных политических целей и политических активов. И хотя постепенно заключаются все новые мировые договоренности, направленные на упорядочивание данного института (такого рода достижением можно считать Европейский ордер на арест), все же пока каждое дело об экстрадиции может быть рассмотрено исходя из частных интересов государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроций Г. О праве войны и мира. Москва: Наука; 1956.
2. Давид Э. Принципы права международных конфликтов. Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. Москва: Международный Комитет Красного Креста; 2011.
3. Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. Международное право: учебник. Москва: Юрайт-Издат; 2009.
4. Левашова О.В. Горичева В.Л. Современный аспект института экстрадиции. *Успехи современной науки*. 2016; 3(9): 125-129.
5. Лукашук И.И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных. Учебно-практическое пособие. Москва: Рос. Юрид. изд. Дом; 1998.
6. Branick M. Extradition and the Conflict of Northern Ireland: The Past, Present and Future of an Intractable Problem. London: Hastings Int'l & Corp; 2002.
7. Gilbert G. Aspects of Extradition Law. London: Kluwer; 1984. С. 117.
8. Greig D.M. International Law. London: Law Review; 1970.

9. Amato A.D. International Law Anthology. Cincinnati: Anderson Publishing Company; 1995.
10. O'Connell D.P. International Law. New York: Stevens & Sons; 1965. C. 799

REFERENCES

1. Grotzky G. About the Law of War and the Peace. Moscow: Nauka; 1956. (In Russ.)
2. David E. The principles of the Law of International Conflicts. A course of lectures, held in the faculty of Law of Open Brussel University. Moscow: The International Committee of the Red Cross; 2011. (In Russ.)
3. Kolosov Y.M., Krivchikova E.S. International Law: the textbook. Moscow: Uwrite-Publish; 2009. (In Russ.)
4. Levashova O.V., Goricheva V.L. The Modern Aspect of the Institution of Extradition. *Progress of Modern Science*. 2016; 3(9): 125-129. (In Russ.)
5. Lukashuk I.I., Naumov A.V. The Extradition of Accused and Convicted Persons. Practical Study Guide. Moscow: Rus.Judic Publish. House; 1998. (In Russ.)
6. Branick M. Extradition and the Conflict of Northern Ireland: The Past, Present and Future of an Intractable Problem. London: Hastings Int'l & Corp; 2002.
7. Gilbert G. Aspects of Extradition Law. London: Kluwer; 1984. p. 117
8. Greig D.M. International Law. London: Law Review; 1970.
9. Amato A.D. International Law Anthology. Cincinnati: Anderson Publishing Company; 1995.
10. O'Connell D.P. International Law. New York: Stevens & Sons; 1965. p. 799.
-
 Статья получена 14.04.2017
 Received 14.04.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Власта Л. Горичева, Кандидат юридических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия; 399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, д. 28; vlasta@mail.ru

Ольга В. Левашова, Кандидат юридических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия; 399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, д. 28; olia.levashova@yandex.ru

Vlasta L. Goricheva, Candidate of Legal Sciences, Yelets state University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia; 28, Kommunarov st., Elec, Russia, 399770; vlasta@mail.ru

Olga V. Levashova, Candidate of Legal Sciences, Yelets state University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia; 28, Kommunarov st., Elec, Russia, 399770; olia.levashova@yandex.ru

DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-137-147

Информационно-коммуникационные технологии в создании политической медиареальности в России

Марианна Ю. Павлютенкова^а, Елена А. Маркова^б,

^а*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
pavlt@inbox.ru*

^б*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
abellen@yandex.ru*

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам применения инфокоммуникаций в создании политической медиареальности, выступающей в качестве виртуальной среды, замещающей действительность. Отмечается, что с активным внедрением в политическую сферу информационно-коммуникационных технологий существенно увеличивается властный потенциал медиадискурса. В конкурентной борьбе медиадискурсов сегодня побеждают те силы, которые утверждают в качестве доминирующих собственных медиаверсии событий и медиаобразы их участников. При этом используются все доступные каналы коммуникации (телевидение, СМИ, интернет-ресурсы, мобильные телекоммуникации), создающие для потребителей информации политическую псевдосреду, заменяющую собой политическую реальность. В статье показывается, как сегодня в предвыборную борьбу включаются новые медиаресурсы, изначально нацеленные на манипулирование массовым сознанием. В частности, впечатляющие манипулятивные медиаэффекты демонстрируются при включении в медиaprостранство фейк-дискурса. Помимо этого, в качестве инструмента политической борьбы, получения компромата, межгосударственного противостояния сегодня используются компьютерные атаки, хакерство, растет активность независимых киберорганизаций, ведущих борьбу с «мировым злом». В работе фиксируется включение в медиадискурс элементов графики, эмодзи, клипов. В целом, символы, вторгаясь в пространство политики, становятся частью политического мейнстрима, изменяют стиль политических манифестаций, дискуссий, чатов, которые объединяют единомышленников с целью оказания влияния на действия власти. Делается вывод о том, что конструирование политической медиареальности, поддерживаемое новейшими инструментами информационно-коммуникационных технологий, непосредственно влияет на восприятие происходящего в глобальных масштабах, быстро форматируя массовое сознание.*

***Ключевые слова:** информационно-коммуникационные технологии, интернет-технологии, фейк-дискурс, кибератаки, эмодзи, политическая коммуникация, медиареальность, медиадискурс, пост-информационное общество, сетевое коммуникационное общество.*

***Для цитирования:** Павлютенкова М. Ю., Маркова Е. А. Информационно-коммуникационные технологии в создании политической медиареальности в России. *Проблемы постсоветского пространства.* 2017;4(2):137-147. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-137-147*

Information and Communication Technologies in Creating Political Media Reality in Russia

Pavlyutenkova Marianna Yur'evna^a, Elena A. Markova^b,

^a*People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia,*
pavlt@inbox.ru

^b*People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia,*
abellen@yandex.ru

Abstract. The article explores intended use of infocomms in creation of political media reality, acting as a virtual environment, effectively replacing reality. A noteworthy detail is that mainstreaming of information and communication technologies into political sphere substantially increases the authoritative potential for the media discourse. Those forces that assert their own media versions of events and media images for their participants have been winning in the competitive struggle amidst media discourses today. Furthermore, all available communication channels (television, media, Internet resources, mobile telecommunications) are used to set up a political pseudo-environment for their information consumers, replacing political reality. The article shows what way new media resources, initially aimed at manipulating the mass consciousness in the pre-election race are being incorporated today. In particular, impressive manipulative media effects are demonstrated when a fake discourse is included in the media space. In addition, computer attacks, hacking, and the prime of independent cyber organizations fighting against the “world evil” are in effect as an instrument in the political struggle, in obtaining compromising material and interstate opposition. The work records the inclusion of graphic elements, emoji, clips in the media discourse. In general, symbols, encroaching into the politics space, become a part of the political mainstream, change the style of political demonstrations, discussions, chats that unite adherents to influence the actions of the authorities. It follows that the political media reality design, supported by the latest information and communication technologies tools, directly affects the perception of what is happening on a global scale, quickly formatting the mass consciousness.

Keywords: information and communication technologies, Internet technologies, fake-discourse, cyberattacks, emoji, political communication, media reality, media discourse, post-information society, network communication society.

For citation: Pavlyutenkova M. Y., Markova E. A. Information and Communication Technologies in Creating Political Media Reality in Russia. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):137-147. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-137-147

ВВЕДЕНИЕ

В научной литературе последнего времени современное общество в основном исследовалось как информационное об-

щество. Однако еще в конце в 90-х годов XX века известный испанский ученый М. Кастельс говорил о появлении сетевого общества. Он рассматривал сформировав-

шуюся сегодня в глобальном масштабе социальную структуру как сетевое общество, важнейшей чертой которого выступает не доминирование информации или знания (присущего информационному обществу), а изменение направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, сетевые структуры. М. Кастельс также подчеркивал, что именуется социальную структуру информационного века сетевым обществом потому, что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...» [6].

Развитие информационного общества имеет свое продолжение в теоретическом конструкте пост-информационного общества [7]. По мнению Дж. Ханта, это общество характеризующегося утратой многих иллюзий, связанных с информатизацией, хотя и при еще большем возрастании значения информационного капитала и информационно-коммуникационных технологий [14].

В настоящее время в научных исследованиях все чаще можно встретить трактовку современного общества как коммуникационного общества. Связано это с тем, что «развитие и глобальное распространение современных технологий коммуникации в государствах привело к появлению самостоятельного виртуального коммуникационного пространства, имеющего собственные принципы функционирования. Интернет-технологии начали играть значимую роль в осуществлении массовых коммуникаций и оказывать существенное влияние на процессы взаимодействия с обществом в широких масштабах, позволяя субъектам коммуникационного воздействия эффективно конструировать восприятие обществом социальной реальности. ... Сегодня более уместно говорить о том, что мы

переживаем период коммуникационной революции, предоставляющей новые, альтернативные инструменты для осуществления коммуникации с целевыми аудиториями. Сама коммуникация приобретает самостоятельное смысловое и социально-политическое значение, влияя на восприятие транслируемой посредством коммуникационных технологий информации» [3].

МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ, МЕДИА-ДИСКУРС, ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ

Одним из основных коммуникационных каналов сегодня является сеть Интернет и функционирующие на его основе социальные сети и блогосфера, новым активным каналом телекоммуникации стала мобильная связь, осуществляемая посредством смартфонов и коммуникаторов. Однако, по-прежнему популярным для значительной части населения развитых стран является телевидение. Именно оно, несмотря на прогрессирующее развитие информационно-коммуникационных технологий и технологий мобильной связи, остается основным каналом получения информации и способом формирования общественного мнения для большинства населения. Это в достаточной степени подтвердили события 2014 г. на Украине, способ освещения которых можно отнести к приемам информационной войны. Интересно, что Интернет-сайты, социальные сети, блогосфера, мобильный интернет, мессенджеры, которые совсем недавно рассматривались как преобладающие альтернативные каналы коммуникации и получения информации, в настоящее время по степени воздействия на политические предпочтения и точку зрения большинства пользователей все же уступают традиционным телевизионным каналам и СМИ, что также демонстрируют события на Украине.

Как известно, средства массовой информации и коммуникации создают медиареальность. У. Липпман, который ввел это понятие в научный оборот, так охарактеризовал технологию ее создания: — «Производство одной общей воли из множества общих желаний состоит в основном в использовании символов, которые выбирают эмоции после того, как они отделены от идей, которые они несли» [14]. Особым образом отобранная и частично интерпретированная информация и составляет медиареальность, в котором живет типичный потребитель массмедиа, не желающий прикладывать никаких собственных усилий, чтобы анализировать поступающую ему информацию.

С активным внедрением в политическую среду информационно-коммуникационных технологий существенно увеличивается властный потенциал медиадискурса. «В самом общем плане политический медиадискурс представляет собой властный ресурс, функционирующий в медийно-коммуникативной политической среде и производящий виртуальную политическую продукцию. Обладая силой виртуализации политической реальности, медиадискурс превращает политику в символический идеологический конструкт. Сконструированная медиадискурсом виртуальная картина политической реальности представляет собой политическую медиареальность, которая включена в символическое поле политики и оказывает существенное воздействие на политическое сознание граждан. При этом транслируемая СМИ политическая медиареальность нередко оказывается для граждан более интересной и привлекательной, чем реальность эмпирического политического опыта» [7, с.67]. Так постепенно возникает и ширится слой людей, «желающих быть обманутыми».

Политическая медиареальность — это место конкуренции и столкновений раз-

личных медиаресурсов, ведущих борьбу за доминирование отдельных медиаобразов в политическом пространстве. Именно в этом и заключается дискурсивная суть информационных войн, ведущихся как в глобальном информационном пространстве, так и во время конкретных политических кампаний. Сегодня в информационном противоборстве побеждают те силы, которые в конкурентной борьбе медиадискурсов утверждают в качестве доминирующих собственные медиаверсии событий и медиаобразы их участников [8].

В Интернет-пространстве огромный объем информации ставит пользователей перед проблемой ее отбора. Здесь, более чем на телевидении, создается иллюзия, что потребитель сам волен выбирать информацию. Но в получении информации в Интернете существуют некоторые тонкости, обусловленные особенностями работы поисковых машин. Так, ведущие поисковые системы, такие как Google, Bing, Yahoo, Rambler, Яндекс и другие, являются, прежде всего, коммерческими организациями, чьи доходы напрямую зависят от рейтинга, посещаемости и продажи контекстной рекламы. В силу этого размещение ссылок на веб-сайты произвольной информационной направленности в тематических каталогах указанных поисковых сервисов невозможно без соблюдения интересов их владельцев. Доступность любых информационных ресурсов интернета, в действительности, имеет фиктивный характер, поскольку доступ к ним всегда определен затратами на их раскрутку и продвижение владельцами [1].

Кроме того, сетевые медиа, к которым довольно часто обращается пользователь в поисках информации, могут служить как инструментом для достижения наибольшей открытости и демократичности в обществе, так и способствовать дестабилизации ситуации. Блоги, социальные сети и Твиттер

обладают большими возможностями в этой сфере. Они используются как обычными гражданами для освещения какой-либо значимой проблемы или события, так и профессиональными политиками для наилучшего освещения своей деятельности или в рамках проведения избирательных кампаний. Они также могут выступать в качестве инструмента мобилизации масс и координации протестных движений.

Однако на сегодняшний день беспрецедентным является то, что телевидение, СМИ, интернет-каналы, мобильные телекоммуникации создают для потребителей информации политическую псевдосреду, заменяющую собой политическую реальность.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ В МАНИПУЛИРОВАНИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ

Одним из наиболее актуальных феноменов сегодня стало так называемое «клиповое сознание». Его появление связано с тем, что «многообразие каналов и форматов получения разнообразной информации приводит к отторжению больших текстов и переходу на максимально упрощенные визуализированные форматы подачи информации. И такие тренды активно используются коммуникаторами в своей работе. В качестве примера можно привести формат так называемых демотиваторов, которые стали популярны в интернет-пространств» [4]. «Демотиватор (демотивационный постер) — разновидность настенного плаката. Демотиватор пародирует мотиваторы (плакаты, предназначенные для создания рабочего настроения), используя схожие с мотиваторами изображения, но с подписями, формально направленными на создание атмосферы обречённости и бессмысленности человеческих усилий. Подобно типичному мотиватору, формат демотиватора включает базовое изображение в рамке, об-

рамлённое относительно широкими, чаще всего чёрными, полями и снабжённое по нижнему более широкому полю лозунгом, выполненным крупным белым или жёлтым шрифтом. Помимо слогана многие демотивационные постеры содержат текст- пояснение, выполненное мелким шрифтом, так или иначе оттеняющее смысловое наполнение изображения и/или слогана». Демотиваторы позволяют в максимально простой форме при помощи ярких визуальных образов и простейших коротких текстов оказывать влияние на общественное сознание интернет-аудитории.

В настоящее время с особой силой, прежде всего в предвыборную борьбу, включились медиаресурсы, изначально нацеленные на манипулирование массовым сознанием. К их числу относятся так называемые «фейки», которые мы рассмотрим более подробно. Понятие «фейк» (от англ. fake — фальшивка) — многозначный термин, означающий любую подделку, выдаваемую за настоящую вещь, непроверенная или преднамеренно ложная информация, опубликованная в средствах массовой информации с корыстной или иной целью.

При включении в медиaprостранство фейк-дискурс предстает в виде определенных манипулятивных медиаэффектов, примерами которых являются: Интернет-«утка», псевдоновости, фотоподделка, видеоподделка, аккаунты в твиттере, заведомо ложного содержания, мошеннические сайты с фальшивыми комментариями от несуществующих пользователей. Фейк-дискурс исследователями определяется как «способ конструирования риторико-семиотическими и медийными средствами мнимой реальности, транслируемой в разнообразных форматах: от простой имитации до изощренной фальсификации» [8]. Медийные фейк-дискурсы активно включены в арсенал информационно-сетевого

противоборства, использующего технологии и приемы манипулирования массовым сознанием. Наиболее распространены такие фейк-дискурсы как видео-подмена, фотомонтаж и др.

В предвыборной кампании США наиболее активно использовался фейк-дискурс, основанный на действиях русских хакеров. Так, по сообщению Русской службы ВВС «хакерам удалось взломать компьютерную программу, которая использовалась избирательным штабом Хиллари Клинтон, балотирующейся на пост президента США от демократов. ... Ряд американских политиков, в том числе представители демократов, сразу же заявили о предполагаемом российском следе хакерских атак. По их мнению, таким образом Кремль пытался скомпрометировать американских демократов и повысить популярность ставленника республиканцев Дональда Трампа».

Фейк-дискурс создает и поддерживает русофобские настроения в Западном мире, которые привели, например, к тому, что в Нидерландах подсчет голосов на грядущих парламентских выборах 2017 г. будут вести не с помощью автоматизированных компьютерных систем, а вручную. Правительство полагает, что таким образом избирательный процесс будет огражден от вмешательства зарубежных стран, включая Россию. Министр внутренних дел Нидерландов Роналд Пластерк отметил, что «Россия входит в число внешних субъектов, которые могут вмешаться в выборы в Нидерландах. Сейчас есть признаки того, что русские могут быть заинтересованы».

Еще дальше пошло правительство Великобритании. Премьер-министр страны Тереза Мэй учредила в правительстве должность министра по борьбе с подрывной деятельностью. Британская газета The Times связывает нововведение с опасениями Лондона по поводу возможного вме-

шательства Москвы в грядущие выборы в королевстве. По данным газеты, задачей нового министра будут «обширные усилия внутри правительства по защите неприкосновенности демократической жизни в Британии» на фоне опасений, что российские кибератаки, фейковые новости и деньги могут дестабилизировать демократию в стране. И это при том, что по заявлению министра иностранных дел Британии Бориса Джонсона Лондон не располагает доказательствами причастности России к хакерским атакам против Запада. В то же время, по мнению министра, у британской стороны имеется достаточно доказательств того, что «русские способны на это» [5].

Множество широко известных примеров использования разнообразных видов фейк-дискурсов дает информационная война, развернутая вокруг событий на Украине.

Подобные факты являются свидетельством возрастающей роли фейк-дискурса в политике различных государств и их использования в информационном противоборстве.

В российском сегменте Интернета фейковые новости распространяют такие ресурсы, как Infal00, Fognews, НОВОСТИ. Существуют и ресурсы, разоблачающие фейки, это: Fakecontrol, Stopfake, Интернет-газета «Городской Дозор», проект «Антипропаганда» в сетях Facebook и ВКонтакте.

Сегодня, как никогда широко, в качестве инструмента политической борьбы, получения компромата, межгосударственного противостояния используются вышеупомянутые компьютерные атаки. Растет число независимых киберорганизаций, которые борются с «мировым злом». Например, группа «Anonimous» ведет кибервойну с запрещенной в России группировкой «Исламское государство». На Украине работает «Ukrainian Cyber Forces», представители которой совершают кибератаки на сторон-

ников ДНР, а группировка «КиберБеркут» в ответ ведет виртуальную войну с нынешним руководством Украины. Ее самая громкая акция — взлом системы подсчета голосов на выборах президента Украины в 2014 г. Группа «Facy Bear» осуществила взлом внутренней сети Демократической партии, а также вскрытие секретных документов Всемирного антидопингового агентства (WADA), хотя на Западе в причастности к этим преступлениям обвиняют российские государственные структуры.

Не так давно в медиа-дискурсе включились и так называемые «эмодзи» (пер. с японского — картинка и знак, символ) — это «идеограммы и смайлики, используемые в электронных сообщениях и веб-страницах. Этот графический язык, где вместо слов используются сочетания картинок, появился в Японии и распространился по всему миру».

Исследователи замечают, что графика, клипы, эмодзи постепенно вытесняют не только сленг из межличностного общения Интернет-пользователей, но и текст как таковой, когда реакция, отношение, поддержка или порицание, пожелания, поздравления и т.п. выражаются без всяких слов. По данным Instagram ежедневно посредством интернет-коммуникаций отправляются около 6 млрд. эмоциональных «картинок». Другое исследование на эту тему, проведенное в январе 2017 г., показало, что в постах приблизительно 56% аккаунтов Instagram использовался по меньшей мере один эмодзи [12].

По мере развития графика начинает отражать не только эмоции (смайлы) или атрибутику повседневной жизни, но все чаще затрагивает сферу политики. Яркий пример тому — распространение в интернете политических эмодзи, отражающих символы и персоны участников избирательной кампании президента США в 2016 г. — Д. Трампа и Х. Клинтон. Инициатором

создания таких картинок стала известная актриса Ким Кардашьян, чья популярность способствовала быстрому распространению и использованию эмодзи в социальных сетях [2].

В политический дискурс картинки начали включать относительно недавно, как правило, с целью усиления эмоциональной составляющей политического обращения. Так, в 2014 г. министр иностранных дел Австралии Дж. Бишоп стала первым политиком, давшим интервью для Интернет-портала при помощи эмодзи: на все вопросы политик отвечала со своего смартфона смайлами и иконками. На вопрос о ее отношении к политике России и президенту РФ В. Путину глава МИД разместила красное «гневное лицо».

По мнению исследователя Д. Войнова «политические символы иррациональны по своей природе, поэтому легко используются для различного рода манипуляций с общественным сознанием и идеологических провокаций. Эффективность провокативного воздействия символа связана с его заранее заданной истинностью. Поэтому с помощью эмодзи можно создавать у интернет-пользователей иллюзию причастности к политическим событиям, мнимой включенности в политический процесс» [2].

Символы, вторгаясь в сферу политики, несут в себе мощный идеологический заряд, становясь частью политического мейнстрима, органично вплетаясь в ткань политических манифестаций, дискуссий, идеологий, вокруг которых объединяются единомышленники в стремлении повлиять на действия политической власти. Они начинают воплощать идеалы, представления и ценности, которые используются субъектами политики для смыслового построения социально-политической действительности. Именно посредством политической символики, полагают исследователи, происходит

интерпретация политической реальности общественным сознанием, обеспечивается идейно-политическая и практическая перестройка политического пространства. Символ обладает мощным коммуникативным потенциалом, может нести в себе и эффективно доставлять адресату несоизмеримо большее содержание, нежели любой другой знак [9].

ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Более широкий взгляд на современные коммуникационные процессы позволяет отметить политизацию современного коммуникационного пространства, которая наглядно демонстрирует, что новая политика строится на компенсации реальных ресурсов и поступков избытием образов. В настоящее время, по мнению исследователей, в целом «усилились роль информационно-коммуникационных технологий в осуществлении массовых коммуникаций и их влияние на процессы взаимодействия с обществом в широких масштабах, позволяя субъектам коммуникационного воздействия эффективно конструировать восприятие обществом социальной реальности. При этом само общество становится активным потребителем предлагаемых в информационном пространстве моделей медиареальности, используя в качестве основного (и, как правило, единственного) источника получения знаний о реальной социальной действительности средства массовой коммуникации, транслирующие ценностно-смысловой контент в общественное сознание.... В интернете уже сформировалась устойчивая и глобальная среда массового потребления виртуальных образов, представлений и смыслов, которые выступают не просто заместителями реальных, а приобретают собственную самостоятельную

ценность, которая, в свою очередь, также виртуальна» [3].

Как же происходит процесс формирования массовой политической медиареальности сегодня? Происходит это так. В процессе восприятия потребителем фактов происходит навязывание внешнего мнения об этих фактах. Хорошо известно, что современный человек перегружен информацией. Такая перегрузка влечет за собой ослабление понимания и критического восприятия действительности. Лавинообразный поток информации, который обрушивается на человека сегодня, ускорение темпа жизни, заставляет его приспосабливаться к этим условиям. Например, появляется автоматизм, обусловленный дефицитом времени на осмысление и усвоение получаемой информации. Сложившаяся ситуация открывает возможность для управления общественным мнением широких слоев населения и поведением отдельно взятой личности. Основным инструментом для такой манипуляции на сегодняшний день являются средства массовой коммуникации, которые имеют возможность охватить все социальные уровни и обладают доступом к сознанию каждого [10].

Как отмечает С.В. Володенков, «готовое мнение, транслируемое в медиа-пространство, во многом оказывается определяющим при конструировании социальной медиареальности, а также позволяет получить доступную, не требующую глубоких размышлений и критического анализа модель восприятия различных фактов объективной действительности. В значительной степени такая роль средств массовой информации применительно к формированию массовых предпочтений, реакций, ценностных норм и представлений о реальной действительности определяется существующими в современном мире информационными перегрузками, в условиях которых огромные

массивы информации не поддаются структурированию и упорядочиванию простым обывателем, в результате чего в его сознании формируется своего рода информационный хаос, а картина мира является максимально фрагментированной, разбитой на бесконечное число смысловых осколков, имеющих порой весьма противоречивый характер» [3].

В итоге актуализируется потребность человека в получении простой и понятной картины мира, которую ему и предлагают информационные ресурсы. По сути, эффективная информационная работа в медиа-пространстве требует разработки и трансляции в общественное сознание простых объяснительных моделей происходящих в реальности сложных социальных процессов. Чем проще для понимания, доступнее для массового потребления предлагаемый контент, тем эффективнее результат. С помощью сообщения, транслируемого посредством коммуникационных каналов в общественное сознание, формируется характер общественной оценки социальной действительности, а также то, что можно считать фактами или событиями. При этом объективные факты, которые не вписываются в создаваемую псевдореальность, не находят своего отражения в общественном сознании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из вышесказанного можно сделать о том, что современное информационное общество постепенно трансформировалось в общество сетевых коммуникаций, демонстрирующее принципиально новую роль Интернет-ресурсов как инструмента создания новых социальных коммуникативных отношений, приобретающих особую ценность. В настоящее время коммуникация приобретает самостоятельное смысловое и политическое значение, влияя на восприятие информации, транслируемой посредством коммуникационных технологий. Как писал Р. Дейберт, «...поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей» [11]. Современные технологии массовой коммуникации непосредственно влияют на восприятие и осмысление происходящего в глобальных масштабах, быстро трансформируя и изменяя характеристики общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В.Г. СМИ как инструмент информационно-коммуникационного воздействия на массовое сознание (вопросы теории). *Международный журнал. Медиа. Информационная Коммуникация*. 2014; 8: 34-42.
2. Войнов Д. А. «Эмодзи» как технология политической коммуникации в Интернете. *Век качества*. 2016; 4: 103-112.
3. Володенков С.В. От информации к коммуникации: коммуникационные технологии в условиях современного пост-информационного общества. *Вестник Московского государственного областного университета. Политология*. 2016; 4: 1-10.
4. Володенков С.В. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций. *Вестник Московского университета. Политические науки*. 2016; 2: 27-28.

5. Граматчиков А., Вандышева О. Идет кибервойна народная. *Эксперт*. 2017; 5: 15-16.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Москва: ГУ ВШЭ; 2000. С. 505.
7. Латыпов И.А. Современный философский словарь. Лондон, Париж, Москва, Франкфурт-на-Майне: «Панпринт»; 1998. 356-359 с.
8. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2014; 14(4): 68-69.
9. Соловей Т.Г. Политическая символика как способ политической коммуникации. В: Европа: актуальные проблемы этнокультуры: VI международная научно-теоретическая конференция (г. Минск); 22 апреля 2013 г.; Минск; 2013. С. 108-109.
10. Яковлева Э.В. Медиареальность: особенности ее конструирования и применения в политических целях. *Современные научные исследования и инновации*. 2016; 6: 17-18.
11. Daebert R.J. Parchment, Printing and Hypermedia: Communication in World Order Transformation. New York: Columbia University Press; 1997.
12. Lippmann W. Stereotypes. Language in Uniform. A reader on Propaganda. New York: 1967. 38-50.

REFERENCES

1. Abramov V.G. Mass media: instrument for information and communication influence on mass consciousness (theory issues). *International Journal. Media. Information. Communication*. 2014; 8: 34-42 (In Russ.)
2. Voinov D.A. «Emoji» as a technology for political communication on the Internet. *The Age of Quality*. 2016; 4: 103-112 (In Russ.)
3. Volodenkov S.V. From information to communication: communication technologies in the context of modern post-information society. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Political Science*. 2016; 4: 1-10 (In Russ.)
4. Volodenkov S.V. Modern information and communication technologies' development as a factor for the formation of the paradigm in the society of network communications. *Bulletin of Moscow University. Political science*. 2016; 2: 27-28 (In Russ.)
5. Gramatchikov A., Vandyшева O. There is a total cyberwar going on. *Expert*. 2017; 5: 15-16. (In Russ.)
6. Castells M. Information age: economy, society, culture. Moscow: State University Higher School of Economics; 2000. 505 p. (In Russ.)
7. Latypov I.A. Information Society //Modern Philosophical Dictionary. London, Paris, Moscow, Frankfurt am Main: «Panprint»; 1998. 356-359 p. (In Russ.)
8. Rusakova O.F., Gribovod E.G. Political Media Discourse and Mediation of Politics as Concepts for Political Communication Studies. *Scientific Annals of the Institute for Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences Ural Branch*. 2014; 14(4): 68-69. (In Russ.)
9. Solovey T.G. Political Symbols as a Method for Political Communication // Europe: Actual Problems of Ethnoculture: Sixth International Scientific-theoretical Conference Proceedings (Minsk); April, 22, 2013.; Minsk; 2013. P. 108-109 (In Russ.)
10. Yakovleva E.V. Media reality: special aspects of its design and application for political purposes. *Modern scientific research and innovation*. 2016; 6: 17-18 (In Russ.)
11. Daebert R.J. Parchment, Printing and Hypermedia: Communication in World Order Transformation. New York: Columbia University Press; 1997.
12. Lippmann W. Stereotypes. Language in Uni-

form. A reader on Propaganda. New York: 1967.
38-50.

.....
Статья получена 27.05.2017
Received 27.05.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марианна Ю. Павлютенкова, кандидат политических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; pavlt@inbox.ru

Елена А. Маркова, старший преподаватель, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; abellen@yandex.ru

Pavlyutenkova Marianna Yur'evna, Political Sciences, Ph.D, People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198; pavlt@inbox.ru

Elena A. Markova, Senior Lecturer, People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198; abellen@yandex.ru

Эволюция турецко-грузинских отношений: новые тенденции (экономический и военно-политический аспекты)

Лариса М. Алексанян

*Дипломатическая академия МИД РФ, Москва Россия,
larisa.aleksanyan@mail.ru*

Аннотация: Южный Кавказ представляет собой специфический регион во всей политической истории человечества. Этот регион на протяжении столетий, представлявший собой связующее звено между странами Востока и Запада, находился в эпицентре столкновения разных религий, цивилизаций, наций и государств.

На современном этапе интересы глобальных и региональных акторов международных отношений стали выражаться в распространении собственного влияния на данный регион. В эту большую игру также включилась Турция, основная цель которой — превращение в регионального лидера. В плане реализации этой политики Турция высоко оценила географическое расположение Грузии в качестве моста между собой и тюрко-язычным миром. С середины 1990-х годов Турция активными темпами внедрилась в эту страну, распространяя свое влияние почти во всех сферах и обеспечивая надежный коридор для проникновения в тюрко-язычные государства в плане реализации своей внешней политики. Грузия, в свою очередь, стала рассматривать Турцию как надежного политического и экономического партнера как в двусторонних отношениях, так и в региональном измерении. Главной мотивацией для Грузии стала интеграция в евроатлантический альянс с помощью Турции.

Таким образом, двусторонняя заинтересованность привела к сотрудничеству двух стран почти во всех сферах, одновременно отталкивая во второй план некоторые проблемы и противоречия.

В данной статье рассмотрены роль и место Грузии во внешней политике Турции в региональном контексте. Исследована эволюция турецко-грузинских отношений, рассмотрены новые тенденции в двусторонних отношениях на современном этапе. Проведен анализ турецко-грузинского экономического и военно-политического сотрудничества. Сделаны обобщающие выводы касательно новых тенденций в турецко-грузинских взаимоотношениях в 21 веке.

Ключевые слова: Турция, Грузия, внешняя политика, Южный Кавказ, экономическое сотрудничество, военно-политические отношения.

Для цитирования: Алексанян Л. М. Эволюция турецко-грузинских отношений: новые тенденции (экономический и военно-политический аспекты). *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):148-158. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-148-158.

The evolution of Turkish-Georgian relations: new trends (economic and military-political aspects)

Larisa M. Aleksanyan

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
larisa.aleksanyan@mail.ru*

Abstract: The South Caucasus is a specific region in the whole political history of mankind. For centuries this region, acting as a bridge between the countries of the East and West, has been in a clash centre of religions, civilizations, nations and states.

At the present stage, global and regional actors of international relations began to express their interests in the spread of their own influence over the region. Turkey, the main goal of which is to become a regional leader, has also joined this great game. In terms of implementing this policy Turkey highly appreciated the geographic location of Georgia, fulfilling the role of a bridge between Turkey and the Turkic-speaking world. Since the mid-1990s Turkey has actively penetrated to this country, spreading its influence in almost all spheres and providing a reliable corridor for penetration into the Turkic-speaking states.

Georgia, in its turn, began to view Turkey as a reliable political and economic partner both in bilateral relations and in the regional dimension. The main motivation for Georgia is its integration into the Euro-Atlantic alliance with the help of Turkey.

Thus, the interest of the two countries led them to bilateral corporation in almost all spheres, at the same time leaving some problems and contradictions in the second plan.

In the article has been reviewed the role and the place of Georgia in Turkey's foreign policy in the regional context. This article explores the evolution of Turkish-Georgian relations, considers new trends in bilateral relations at the present stage. In the article has been analyzed Turkish-Georgian economic and military-political relations. General conclusions were made in regard to new trends in Turkish-Georgian relations in the 21st century.

Keywords: Turkey, Georgia, foreign policy, South Caucasus, economic corporation, military-political relations.

For citation: Aleksanyan L. M. The evolution of Turkish-Georgian relations: new trends (economic and military-political aspects). *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):148-158. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-148-158

ВВЕДЕНИЕ

Южно-кавказский регион на протяжении столетий находился в центре политических интересов Турции. Распад СССР открыл новые возможности для Турции в плане распространения своего влияния не только

на Южном Кавказе, но и на Центрально-Азиатский регион в целом. Интересы Турции в южно-кавказском регионе были обусловлены тем, что она старалась приобрести новые рынки для экспорта, а также стремилась удовлетворить внутренний

растущий спрос на топливо за счет энергоресурсов Центральной Азии и Каспийского региона. С другой стороны Турция была заинтересована в транспортировке этих энергоресурсов в Европу через свою территорию [6], тем самым превращаясь в «энергомост и терминал между Европой и Азией» [2].

Для реализации данной политики весьма благоприятные условия сформировались в связи с тем, что после окончания «холодной войны» в тюркоязычных государствах Южного Кавказа и Центральной Азии возник политический и идеологический вакуум. Следовательно, здесь можно было реализовать политику «турецкой модели», которая подразумевала развитие тюркоязычных стран по образцу политической и экономической системы Турции [10]. Запад в лице США стали активно поддерживать Турцию в плане этой политики с целью снижения иранского влияния и препятствования усилению российских позиций в регионе. США старались, чтобы новые трубопроводы, транспортирующие энергоресурсы вышеуказанных территорий, проходили в обход России и Ирана [5].

В контексте турецкой региональной политики особое значение приобрела Грузия, которая, в связи с армяно-азербайджанскими и армяно-турецкими непростыми отношениями стала единственным коридором соединяющим Турцию с ее самым важным южно-кавказским партнером — Азербайджаном, а также с тюркоязычными странами Центральной Азии. Согласно логике внешней политики Турции, общая граница с Грузией должна была стать «площадкой» для соединения интересов тюркоязычных государств. Это предполагало одно, что христианское государство в будущем превратится в жизненно необходимое звено в цепочке мусульманских государств. Кроме этого Турция Грузию стала принимать

в качестве буферной зоны между собой и Россией.

Грузия, в свою очередь, стала рассматривать Турцию в роли противовеса российскому влиянию и в качестве «окна в Европу» [8], принимая ее как своего проводника на пути интеграции в ЕС и НАТО. Кроме того Грузия с помощью своего географического расположения старалась стать «ключевым звеном в транзите каспийских углеводородов на внешние рынки» [4]. Эти факты, а также влияние внешних факторов обусловили становление и дальнейшее развитие двусторонних отношений.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТУРЕЦКО-ГРУЗИНСКИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Турция, которая веками препятствовала объединению грузинских царств и княжеств в одно государство, в конце 20-го века имея новый геополитический план, стала первым государством в мире, признавшая независимость Грузии [13] после распада СССР (16 декабря 1991г). Дипломатические отношения между двумя странами установились 21 мая 1992 года. 30 июня 1992 г. был подписан договор о «Дружбе и сотрудничестве», который стал базовым документом правовой основы двусторонних отношений.

В течение первых лет независимости Грузии, политика Турции по отношению к ней носила весьма пассивный характер. Это было обусловлено тем, что Турция более всего была заинтересована в сближении с Азербайджаном и центрально-азиатскими государствами в контексте «турецкой модели», а основной целью ее политики в отношении Грузии было поддержание ее внутренней стабильности в плане надежного коридора.

С середины 1990-х годов турецко-грузинские отношения стали развиваться более активными темпами. Стимулом

двусторонних отношений стали членство Грузии в СНГ, что предполагало усиление влияния России в регионе, а так же крах «турецкой модели» в тюрко-язычных государствах. Но самым главным регулятором активизации двусторонних отношений стал тот факт, что Грузия приобрела приоритетное значение для Турции в предпринимающихся энергетических проектах региона. Уже в 1999 году в ходе Стамбульского саммита ОБСЕ было принято решение о подклочении Грузии в данные крупномасштабные проекты, в качестве транзитного государства.

О значении Грузии во внешней политике Турции было отмечено в заявлении премьер министра Турции М. Йылмаза, который в 1998 г. в ходе официального визита в Грузию охарактеризовал эту страну как государство, с которым у Турции есть общие интересы и Турция готова развивать сотрудничество с ним во всех сферах [13].

Тогда основной целью внешней политики Турции в отношении Грузии стало распространение собственного влияния внутри страны. Если в историческом плане Османская Империя свое присутствие в грузинских территориях обеспечивала помощью «жесткой силы», то на современном этапе Турецкая Республика для этой цели стала реализовать политику «мягкой силы».

Для продвижения своей внешней политики Турция начала активизировать четкие шаги в пути становления двусторонних, в первую очередь, военно-политических отношений. Так, 25 апреля 1998 года между Грузией и Турцией был подписан меморандум о сотрудничестве и взаимного согласия в военной сфере. В результате Грузия получила 5,5 млн. долларов для реконструкции и модернизации военных объектов, для строительства учебного центра грузинской военной академии и для финансирования грузинской армии [3]. Кроме этого грузин-

ским военнослужащим было предоставлено возможность получать образование в турецких военно-образовательных учреждениях. Также Турция начала обучать грузинским военнослужащим в рамках программы НАТО, таким образом активизировав отношения с Грузией в двустороннем формате.

Углублению двустороннего военного сотрудничества также способствовало соглашение 1999 года, в связи с чем президент Грузии Э. Шеварднадзе турецко-грузинские военные взаимоотношения оценил как стратегическое партнерство [16]. Согласно данному соглашению Анкара предоставила Тбилиси 1,125 млн. долларов США для реконструкции военного аэродрома в Марнеули с помощью турецких специалистов, взамен чего Турция получила право использовать этот аэропорт бесплатно и 5 лет без очереди.

Данный период двусторонних отношений можно охарактеризовать как этап сближения, этап наращивания взаимного доверия. Интересен тот факт, что Грузия свои отношения с Турцией воспринимала как расширенное сотрудничество с Западом, а турецкую границу рассматривала в качестве границы с НАТО. С другой стороны, в основе политики Турции в отношении Грузии лежало стремление распространять свое влияние в этой стране и вести собственную региональную политику отдельно от США.

Новый этап в турецко-грузинских отношениях приобрел большие темпы «после 2002 года, когда к власти пришла ПСР (Партия справедливости и развития)» [13]. Во главе этой партии турецкая внешняя политика получила новые окраски в рамках неосманской идеологии [1] и выразилась в доктрине «стратегической глубины» [17] («Stratejik Derinlik»), автором которой является Ахмет Давутоглу (бывший министр иностранных дел (2009-2014 гг.)

и премьер-министр Турции (2014-2016 гг.)). Ключевым аспектом нового подхода стала «политика нулевых проблем» с соседними странами, предполагающая наращивание политического диалога, экономическую взаимозависимость и культурное согласие [7]. Одним из важных объектов применения этой политики естественно стала Грузия. Этому способствовала и внешняя политика Грузии, когда после «Революции роз» (2003 г.) при правлении президента М. Саакашвили одним из главных приоритетов внешнеполитического курса страны провозглашалось сотрудничество с Турцией (Концепция национальной безопасности Грузии 2005 г.). Можно предполагать, что внутриполитические процессы Турции и Грузии стали катализатором двусторонних отношений.

В политическом плане турецко-грузинские отношения выражались взаимными визитами высокопоставленных лиц двух государств. Эти отношения были укреплены открытием нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (июль 2006 г.), газопровода Баку-Тбилиси-Эрзрум (март 2007 г.), началом осуществления проекта железной дороги Баку-Тбилиси-Эрзрум (время завершения предполагается в 2017 г.).

Турция продолжала поддерживать Грузию в военной сфере, сохраняя свою роль в качестве одного из главных военных доноров этой страны. В 2005 г. Турция предоставила ВС Грузии 1 млн. 550 тысяч долл. США, в 2006 г. — 1,8 млн. долл. США, а в 2008 г. — 2,125 млн. долл. США [2].

Южноосетинская война 2008 года стала водоразделом в турецкой политике в отношении Грузии в двух смыслах. В первую очередь, нейтральная позиция Турции в ходе войны показала, что турецко-грузинские отношения в определенной мере подчиняются турецким интересам в регионе и Грузию Турция воспринимает в качестве стратегического «объекта». Во второй оче-

реди, укрепление российских позиций в регионе и пик ухудшения российско-грузинских отношений подталкивали Турцию к активизации южно-кавказской политики. В контексте этой стратегии Турция стала реализовать более активную политику в отношении Грузии. Об этом свидетельствуют и официальные визиты бывшего премьер-министра (2003-2014) и нынешнего президента (с 2014 г.) Турции Р. Т. Эрдогана в Грузию именно в этот период. Так, если с 2003 г. до 2007 г. количество этих поездок составило 2, то с 2008 года до 2011 года поездки были ежегодными (4 поездки).

В военной сфере также были активные отношения. В 2009 г. Турция предоставила Грузию боеприпасы в размере 1 млн. долл. США. В 2010 г. военный товарооборот между двумя странами составил более 3 млн. 350 тыс. долл. США. Две страны также участвуют совместных учениях в рамках НАТО. В контексте региональной безопасности к двусторонним военным отношениям часто включается и Азербайджан, с которым отношения Турции и Грузии находятся на высшем уровне.

В конце вышеуказанного этапа двусторонних отношений Турции удалось в ряду других инструментов приобрести политические и военные рычаги влияния в Грузии и создать благополучную площадку для продвижения своих интересов.

Началом условного третьего этапа в турецко-грузинских отношениях можно считать 2012 год, который был обусловлен внутри- и внешнеполитическими трансформациями. В октябре 2012 г. оппозиционная коалиция «Грузинская мечта», победив в парламентских выборах в Грузии, стала искать пути диверсификации внешней политики страны и начать реализовать прагматическую политику в регионе. Причиной нового подхода стал тот факт, что антироссийская, четко ориентированная про-

западная и в контексте этого протурецкая политика Грузии при правлении президента М. Саакашвили (2004-2013 гг.) привела страну в политической, экономической, энергетической зависимости не только от Турции, но и от Азербайджана. Для предотвращения дальнейшего углубления этого явления коалицией «Грузинская мечта» была разработана и принята в парламенте резолюция «О направлениях внешней политики Грузии», согласно которой Грузия взяла курс сохранения свою прозападную позицию во внешней политике, параллельно отказываясь от антироссийской риторики в пользу диалога с Россией. Анализ данного документа показывает, что Грузия, поддерживая многостороннее сотрудничество с Турцией и Азербайджаном, старается за счет активизации отношений с Россией и Ираном, уменьшить свою экономическую и энергетическую зависимость от соседних тюркоязычных государств. Данная тенденция также обусловлена присутствием Турции в Ближневосточной игре, которая «тормозила» активность южнокавказского вектора внешней политики Турции. Об этом показывает карта зарубежных поездок Эрдогана, согласно которой с 2012 года он с визитом не был в Грузии.

Тем не менее, турецко-грузинские отношения продолжают свой активный темп сотрудничества. Грузия продолжает быть открытой для турецкой политики, которая в соседней стране создав зону влияния почти во всех сферах, продвигает свои интересы как внутри страны, так и в регионе.

Турция и Грузия продолжают активно сотрудничать в рамках НАТО. С 10 по 12 ноября 2016 г. в Грузии проходили международные учения «Грузия-НАТО-2016», в которых участвовали также турецкие военнослужащие.

На нынешнем этапе военно-политических турецко-грузинских отношениях намечает-

ся новая тенденция в связи с тем, что с 2012 года Турция для углубления вовлеченности Грузии в турецко-азербайджанском тандеме стала реализовать конкретные шаги. В результате этого, начиная с 2012 г. (2 раза в год) проходят встречи глав внешнеполитических ведомств 3-х стран, с целью обсуждения вопросов регионального сотрудничества. В этом контексте с 2014 года углубляется также трехстороннее военное сотрудничество, в контексте обеспечения безопасности трубопроводов [18]. В Баку в мае 2016 года в очередной встрече министров Обороны 3-х стран подчеркивалось необходимость сотрудничества в данной сфере.

Важно отметить тот факт, что Турция выступает за территориальную целостность Грузии и не признает независимость Южной Осетии и Абхазии. Этот подход зафиксирован в официальной странице МИД Турции, и эта риторика сохраняется во всех заявлениях официальных лиц данной страны входе встреч со своими грузинскими коллегами. Грузия в свою очередь в международных организациях поддерживает турецко-азербайджанскую позицию в отношении карабахского конфликта.

В двусторонних политических отношениях кроме взаимопонимания параллельно существуют также некоторые проблемы в связи с перенаселением тюрк-месхетинцев в Грузию, строительством каскада ГЭС на реке Чорох (Аджария), некоторые изменения с визовым режимом, строительство мечети в Аджарии, тесные отношения Турции с Абхазией, которые время от времени появляются на повестке дня двух стран. Во всяком случае, сторонам удастся обойти эти проблемы, поставив акцент на развитие двусторонних отношений.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТУРЕЦКО-ГРУЗИНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

После распада СССР наращивание экономических отношений с Грузией стали важной составной частью региональной политики Турции. Последняя стала рассматривать Грузию в качестве плацдарма для проникновения в Азербайджан и тюркоязычные государства Центральной Азии. Грузия, в свою очередь, Турцию стала принимать в качестве прямого экономического выхода в Запад. Эти факты говорят о том, что двусторонние экономические отношения строились на взаимные интересы. Помимо геополитических факторов, установлению тесных экономических отношений способствовало также наличие общих сухопутных и морских границ.

Основы двусторонних турецко-грузинских экономических отношений были положены в двух важных документах, первый из них это договор о «Дружбе и сотрудничестве» (1992 г.), который включил в себя статью об инвестициях и защите инвестиционного капитала и второй — договор о «Торговле и экономической сотрудничестве» (1992 г.). Кроме этого была создана экономическая совместная комиссия и турецко-грузинская бизнес ассоциация [11]. В данный период турецкий «Эксим» банк предоставил Грузию кредит на размере около 50 млн. долл. США. Тем не менее, до середины 1990-х годов эти отношения были пассивными и неэффективными, в связи с внутривнутриполитической нестабильностью Грузии и стремлением Турции реализовать в первую очередь вышеупомянутую «турецкую модель».

Ситуация изменилась уже с середины 1990-х годов, когда Грузия уже стала частью региональных энергетических и транспортных проектов. Турция для продвижения своей региональной политики стала актив-

ными темпами внедряться в экономическую отрасль Грузии, тем самым создавая зону влияния внутри страны и обеспечивая надежный коридор в тюркоязычные государства. Данная политика Турции большие темпы получила уже с середины 2000-х годов [9].

Вся картина эволюции динамики турецко-грузинских экономических отношений четко показывают статистические данные, предоставленные Национальным стратегическим офисом Грузии [13]. Если 1995-2003 гг. товарооборот в Грузии не превышал 200 млн. долл. США, то с 2004-2007 гг. эта цифра удвоилась. Например, в 2005 г. товарооборот между двумя странами составил 405 млн. долл. США (в том числе импорт из Турции составил 283 млн. долл. США, экспорт — 122 млн. долл. США [14]). Это увеличение было обусловлено не только внешней политикой Грузии после «Революции роз», но и активной экономической политикой Турции в регионе. Дело в том что, Турция очень четко и быстро реагировал ухудшению российско-грузинских отношений, когда Россия поставил эмбарго на экспорт грузинского вино, минеральных вод, фруктов и овощей. Турция предложила Грузию новые инициативные проекты, в результате которых между двумя странами было подписано Соглашение о свободной торговле и о предотвращении двойного налогообложения доходов и пресечении неуплаты налогов (2007 г.). Благодаря этому соглашению, турецко-грузинских тесных отношений в контексте региональных проектов и в результате ухудшения российско-грузинских отношений, Турция стала главным торговым партнером Тбилиси. По статистическим данным товарооборот между двумя странами в 2016 г. достиг 1,51 млрд долларов США, где только импорт из Турции составил 1,33 млрд долларов США. Давление турецких товаров чув-

ствуется даже в таких отраслях грузинской экономики, где монопольная позиция местных товаров никогда не была поставлена под сомнение. Тот факт, что грузинское производство стало неконкурентоспособным в сравнении с турецкими дешевыми товарами внутри страны, говорит об одном, что Турции удалось создать зону влияния в Грузии в этой сфере.

Тоже самая картина эволюции можно проследить и в инвестиционной политике Турции в отношении Грузии. Так, 1997-2003 гг. прямые инвестиции Турции в Грузии составили 203 млн. долл. США. Уже с 2004 года турецкие инвестиции в стране дошли до 834 млн. долл. США. Турецкие капиталовложения выражались в основном сфере промышленности, услуг, в строительстве и модернизации государственных и военных объектов, железных дорог и автомагистралей и т. д. Количество фирм с турецким капиталом в стране достигает до 200. Турция уже входит в первую пятерку по размеру инвестиций в Грузию. Турецкая инвестиционная политика в Грузии также смогла создать все больше рычагов контроля над грузинской экономикой.

Одна из крупных турецких компаний в Грузии является Тюрксел (Türksell), которая приобретая контрольные акции Геосел (Geosell) стала доминировать в телекоммуникационной отрасли страны, так как 90% населения абонент данной связи.

Турция делает капиталовложения в промышленной отрасли. В Грузии известна компания Шенер Арда Груп (Şener Arda Group), которая реализует свою деятельность в тяжелой промышленности, строительстве, логистике, пищевой промышленности. Эта компания учредила совместное турецко-грузинское Batumi Enterprises Limited предприятие, которое построило железнодорожный платформ и терминал порта Батуми, взамен полу-

чив право эксплуатации на 30 лет [15]. Из других компаний, существующих в данной отрасли в Грузии, известен турецкий Şişecam концерн, который считается одним из самых крупных производителей стекла в Европе.

В Грузии также существуют турецкие строительные компании, как Baytur, Borova, Burc, Ustay, Zaferi т. д. Из реализованных проектов можно отметить строительство турецкого посольства в Тбилиси и грузинского в Анкаре, строительство нефтяного терминала в Супсе и т. д. Соответственно двустороннему соглашению 2005 года турецкий совместный концерн TAV&Urban модернизировал международный аэропорт Тбилиси, построил новое здание аэропорта и реконструировал аэропорт Батуми. Концерн также смог получить соглашение грузинской стороны для управления аэропортами и службами полетов.

Турция свое присутствие обеспечила также в банковской отрасли Грузии. В 1998 г. в Грузии был создан филиал Элмак банка, который в 2001 году был зарегистрирован как филиал Зираат банка. Существуют также Эксим банк, турецко-грузинский Диди-банки. С 2012 г. в Батуми реализует свою деятельность филиал Ишбанка. Второй филиал банка в 2014 г. был открыт в Тбилиси. Цель турецких банков кредитование коммерческого процесса, а также финансирование отдельных проектов.

Развитию турецко-грузинских экономических отношений способствовал также договор о визовом режиме 2011 года, согласно которому граждане Турции и Грузии получили право пересекать границу Сарпи внутренними паспортами по принципу «одного окна» [12].

В Грузии турецкие компании осуществляют свою деятельность с помощью только турецких специалистов и работников, благодаря чему Турция решает вопрос соз-

дания рабочих мест для своих граждан. Это явление можно охарактеризовать как своеобразная «экспансия» грузинского трудового рынка. Именно в этом и состоит своеобразность турецкого бизнеса, который движется вперед с укреплением демографической основы. Данная политика в основном выражена именно в Аджарии, в отношении которой у Турции есть особая стратегия. Аджарию Турция рассматривает в рамках своих геополитических границ, и всеми силами старается экономическими, политическими, региональными и культурными нитями связывать с собой. Не случайно, что инвестиционная политика Турции в Аджарии довольно развита. В Батуми большая часть гостиниц существуют благодаря турецкому капиталу. В этом городе есть районы, где почти все магазины принадлежат туркам. Турецкие бизнесмены в Аджарии делают капиталовложения в сельскохозяйственной отрасли, в сфере туризма, в текстильной промышленности.

Сравнивая годовые показатели импорта турецких товаров в Грузию и турецких инвестиций в этой стране, можно заметить следующий интересный факт. Так, объем турецкого импорта в Грузию в среднем 10 раз превышает объем турецких инвестиций. Имея ввиду этот факт, можно сделать вывод, что Грузию свой южный сосед принимает в качестве широкого потребительского рынка, а через капиталовложения старается обеспечить свой контроль над жизненно важными отраслями страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Южный Кавказ был и остается в центре политических интересов Турции на протяжении всей ее истории. Распространение своего влияния в регионе является жизненно важным звеном Евразийской политики Турции. В современных политических реалиях важной составляющей частью южно-

кавказской политики Турции является Грузия. Турция, как в историческом аспекте, так и на современном этапе, рассматривает эту страну в роли стратегического «объекта» в своей региональной политике.

Как часть этой политики Турция, используя экономические, военно-политические, а также российско-грузинские непростые отношения, весьма успешно распространяет своё влияние в Грузии почти во всех сферах. Этому способствует также совместное участие двух стран в транспортных и энергетических региональных проектах.

По поводу новых тенденций в турецко-грузинских отношениях следует отметить, что если в историческом плане Турция (Османская империя) старалась завоевать грузинские территории для обеспечения своего присутствия в регионе, то на современном этапе она выбрала стратегию распространения своего влияния в стране, для дальнейшего продвижения своих интересов в регионе. В контексте этой политики в последние годы Турция старается укреплять вовлеченность Грузии в турецко-азербайджанском тандеме, для создания «стратегического треугольника» в регионе. Грузия все более и более превращается в жизненно необходимое звено в цепочке мусульманских государств. Она приобрела статус транзитно-сервисной страны Турции. Не смотря на то, что в последние годы новые власти Грузии в лице «Грузинской мечты», пытаются восстановить диалог с Россией и одновременно уменьшить экономическую зависимость от соседних тюркоязычных стран, тем не менее на данный момент турецко-грузинские отношения находятся на высшем уровне сотрудничества и по крайней мере в среднесрочном перспективе сохраняют активный темп развития двусторонних отношений.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции. *Свободная Мысль*. 2014; 3; 71–78.
2. Аватков В.А. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 – лето 2015). Москва: Паблис; 2015. 88 с.
3. Гаджиев К. Геополитика Кавказа. Москва: *Международные отношения*; 2001. 463 с.
4. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. Москва: Восток-Запад; 2009. 351 с.
5. Жильцов С. Трубопроводная архитектура в каспийском регионе: итоги и перспективы. *Politbook*. 2015; 2: 114-132.
6. Кенгерли З. Геостратегические интересы Турции на Кавказе. *Центральная Азия и Кавказ*. 2004; 6: 119.
7. Сафонкина Е. А. Турция как новый актер политики мягкой силы. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2014; 9(2): 148.
8. Aras B. Akpınar P. The relations between Turkey and Caucasus. *Perceptions*. 2011; 16(3): Pp. 53-68.
9. Chkhikvadze I. Zero Problems with Neighbors: The Case of Georgia. *Turkish Policy Quarterly*. 2011; 10(2): pp. 1-9.
10. Erşen E. The Evolution of “Eurasia” as a Geopolitical Concept in Post-Cold War Turkey. *Geopolitics*. 2013; 1: 24-44.
11. Ekinci D. Partnership in the marketing since 1991: Black Sea and Caspian Concerns of Turkey and Georgia. *Globalization and Security in Black and Caspian Seas regions*. 2011; 1: pp. 43-56.
12. Emel Parlar Dal Assessing Turkey’s «normative» Power in the Middle East and North Africa Region: New Dynamics and their imitations. *Turkish studies*. 2013; 14(4): 709-734.
13. Kirişçi K. Moffat A. Turkey ant the South Caucasus: An Opportunity for Soft Regionalizm. *Regional issues*. 2015; 67-88.
14. Statistical Yearbook of Georgia. Tbilisi: Ministry of Economic Development of Georgia; 2009. 322 p.
15. Turkish Business in the BSEC region. Direct investments Contracting Serviced Prospects for Cooperations. Istanbul: Foreign Economic Relations Board of Turkey; 2005. 22 p.
16. Uslu N. The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period. *Turkish Journal of international relations*. 2003; 2(3-4): 164-187.
17. Yeşiltaş M. The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy. *Turkish Studies*. 2013; 14(4): 661-687.
18. Çelikpala M. Veliyev C. Azerbaijan-Gürcistan-Türkiya işbirliğinin başarı örneği. *Policy Brief. CIES*. 2015; 3: 2-18.
19. Çolakoğlu S. Türkiye-Gürcistan ilişkileri. TASAM. *Stratejik öngörü dergisi*. 2005; 6: 29-39.
20. Görgülü A., Kırkırcan O. Türkiye’nin Güney Kafkasya Politikası: Devlet ve Sivil Toplum Aktörlerinin Rolü. *TESEV Dış politika programı*. 2012; 1: 1-8.

REFERENCES

1. Avatkov V.A. Neo-ottomanism. Basic ideology and geostrategy of Turkey. *Free thought*. 2014; 3; 71–78 (In Russ.)
2. Avatkov V.A. Foreign policy discourse of leading actors of Turkish policy (2010 – summer 2015). Moscow: Pablis; 2015. 88 p. (In Russ.)
3. Gadjiev K. Geopolitics of the Caucasus. Moscow: *International relations*; 2001. 463 p. (In Russ.)
4. Grinevetskiy S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Geopolitical casino of the Black Sea region. Moscow: East-West; 2009. 351 p. (In Russ.)

5. Zhiltsov S.S. Pipeline architecture in the Caspian region: results and prospects. *Politbook*. 2015; 2: 114-132. (In Russ.)
 6. Kengerli Z. Geostrategic interests of Turkey in the Caucasus. *Central Asia and the Caucasus*. 2004; 6: 119 (In Russ.)
 7. Safonkina E.A. Turkey as a new actor of soft power policy. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. 2014; 9(2): 148 (in Russ.)
 8. Aras B. Akpınar P. The relations between Turkey and Caucasus. *Perceptions*. 2011; 16(3): Pp. 53-68.
 9. Chkhikvadze I. Zero Problems with Neighbors: The Case of Georgia. *Turkish Policy Quarterly*. 2011; 10(2): pp. 1-9.
 10. Erşen E. The Evolution of "Eurasia" as a Geopolitical Concept in Post-Cold War Turkey. *Geopolitics*. 2013; 1: 24-44.
 11. Ekinci D. Partnership in the marketing since 1991: Black Sea and Caspian Concerns of Turkey and Georgia. *Globalization and Security in Black and Caspian Seas regions*. 2011; 1: pp. 43-56.
 12. Emel Parlar Dal Assessing Turkey's «normative» Power in the Middle East and North Africa Region: New Dynamics and their imitations. *Turkish studies*. 2013; 14(4): 709-734.
 13. Kirişçi K. Moffat A. Turkey ant the South Caucasus: An Opportunity for Soft Regionalism. *Regional issues*. 2015; 67-88.
 14. Statistical Yearbook of Georgia. Tbilisi: Ministry of Economic Development of Georgia; 2009. 322 p.
 15. Turkish Business in the BSEC region. Direct investments Contracting Serviced Prospects for Cooperations. Istanbul: Foreign Economic Relations Board of Turkey; 2005. 22 p.
 16. Uslu N. The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period. *Turkish Journal of international relations*. 2003; 2(3-4): 164-187.
 17. Yeşiltaş M. The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy. *Turkish Studies*. 2013; 14(4): 661-687.
 18. Chelikpala M. Veliyev C. Success of Azerbaijan-Georgia-Turkey cooperation. *Policy Brief, CIES*. 2015; 3: 2-18 (in Turkish)
 19. Cholakoglu S. Turkish-Georgian realtions. *TASAM. Strategic forecasting magazine*. 2005; 6: 29-39 (in Turkish)
 20. Görgülü A., Krikorian O. The South Caucasus policy of Turkey: Role of State and Civil Society Actors. *TESEV Dış politika programı*. 2012; 1: 1-8 (in Turkish)
-
 Статья получена 21.06.2017
 Received 21.06.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лариса М. Александян, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, ул. Остоженка, 53/2; larisa.aleksanyan@mail.ru

Larisa M. Aleksanyan, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119992; larisa.aleksanyan@mail.ru

DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-159-168

Концепт «темной стороны демократии» М. Манна для объяснения этнических чисток (на примере Югославии и Украины)

Алина Е. Волкова

*Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия,
alina_volkova91@mail.ru*

Аннотация: Проблематика становления демократии в государствах постсоветского пространства представляет особый интерес для научного и экспертного сообщества. Не последнюю роль в указанных процессах сыграла эскалация ряда этнических конфликтов, которые имели место на территориях этих стран. Вместе с тем, американский политолог М. Манн предложил новый взгляд на процессы демократизации. Им был разработан концепт «темной стороны демократии». По мнению автора, демократию можно рассматривать не только в традиционном понимании как «власть народа», но и как «власть определенной этнической группы». Именно в рамках второго подхода получают распространение этнические чистки, которые проявляются в ходе развития конфликтов на национальной (религиозной) почве. Все негативные чувства, от классовой до религиозной ненависти, становятся основанием для активизации этнического национализма. В случае эскалации того или иного конфликта, он начинал вбирать в себя определенные компоненты этнического противостояния (фаворитизм в отношении отдельных членов группы, дискриминация чужаков, наличие межэтнической напряженности, наличие горизонтального неравенства между культурно разделенными группами населения). При сохранении указанных трендов, отмечает М. Манн, можно говорить о том, что темная сторона демократии выражается в извращении либеральных или социалистических идеалов демократии.

По мнению М. Манна, в тот момент, когда определенная этническая или религиозная группа (турки, хуту, албанцы) начинают себя причислять к истинным выразителям народной воли, происходит извращение истинных демократических ценностей и демократии в целом. Обращаясь к опыту Советского Союза, М. Манн отмечает, что роль такого «привилегированного» актора в социалистических обществах на себя возлагали классы. Политолог отмечает, что особенно жестокие и кровавые чистки — феномен современности, поскольку в более ранние времена они не носили столь масштабный характер, как в 80-90-х гг. XX века.

В качестве наиболее ярких примеров стран, в которых концепт темной стороны демократии получил распространение, автором статьи была выбрана Югославия (период 80-90-х гг. XX века) и Украина (современные политические процессы в стране, протекающие с 2014 года по настоящее время). Эти государства были выбраны из-за аналогичности процессов демократизации, наличия этнических конфликтов (противостояние албанцев, хорватов, сербов в Югославии и западной и юго-восточной части Украины), а также присутствие в обеих странах политических акторов, стремящихся к обоснованию преимущественного права на суверенитет той или иной территории.

Ключевые слова: демократия, этнические чистки, этнический конфликт, этнонационализм.

Для цитирования: Волкова А. Е. Концепт «темной стороны демократии» М. Манна для объяснения этнических чисток (на примере Югославии и Украины). *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):159-168. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-159-168

The concept of «The dark side of democracy» by M. Mann for explaining ethnic cleansing (Evidence from Jugoslavia and Ukraine)

Alina E. Volkova

*Voronezh state technical university, Voronezh, Russia,
alina_volkova91@mail.ru*

Abstract: The issue of democracy in the countries of post-Soviet space is of particular interest to the scientific and expert community. Not the last role in these processes was played by the escalation of the number of ethnic conflicts that have taken place in the territories of these countries. However, the American political scientist M. Mann has offered a new perspective on processes of democratization. He developed the concept of “the dark side of democracy”. According to the author, democracy can be seen not only in the traditional sense as “people power”, but as “the power of a particular ethnic group”. In the second approach, widespread ethnic cleansing that occur in the course of the development of conflicts at the national (religious) grounds. All the negative feelings, from class to religious hatred is a reason for the intensification of ethnic nationalism. In the case of escalation of conflict, he began to absorb particular components of ethnic confrontation (favoritism in respect of individual group members, discrimination against outsiders the existence of ethnic tensions, the presence of horizontal inequalities between culturally divided groups). While maintaining these trends, says M. Mann, we can say that the dark side of democracy is expressed in the perversion of the liberal or socialist ideals of democracy. According to M. Mann, at a time when certain ethnic or religious group (Turks, Hutus, Albanians) begin classify themselves as the true exponents of the popular will, is a perversion of the true democratic values and democracy as a whole. Referring to the experience of the Soviet Union, M. Mann notes that the role of such a “privileged” political actor in socialist societies the assigned classes. The analyst notes that a particularly brutal and bloody purge — a phenomenon of modernity, since in earlier times they were not as widespread as in the 80-90-years of the twentieth the twentieth century.

As the most striking instance of the countries in which the concept of the dark side of democracy became widespread, the author of the article was chosen Yugoslavia (period 80’s-90’s of the twentieth century) and Ukraine (modern political processes in the country occurring since 2014 to present). These states were chosen because of the similarity of the processes of democratization, the presence of ethnic conflict (the confrontation between Albanians, Croats, Serbs in Jugoslavia and the Western and South-Eastern part of Ukraine), as well as the presence in both

countries political actors seeking to justify pre-emptive right to the sovereignty of a particular territory.

Keywords: democracy, ethnic cleansing, ethnic conflict, ethno-nationalism.

For citation: Volkova A.E. The concept of “The dark side of democracy” by M. Mann for explaining ethnic cleansing (Evidence from Yugoslavia and Ukraine). *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):159-168. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-159-168

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время политическая обстановка в мире выводит на первый план вопросы, связанные с определением политического режима и государственного устройства в том или ином регионе (стране). Зачастую становление той или иной страны проходило в условиях вооруженных конфликтов, определить которые можно совершенно разными дефинициями: от «востаний» до «революций» и «этнических чисток». В случае последнего варианта конструирования политического режима, возникает логичный вопрос — кто же является его инициатором? Какие политические силы преобладают в ходе подобной активности? Как эта активность в дальнейшем может быть объяснена? И как путь этнических чисток согласуется с развитием демократии в мире?

Отвечая на эти вопросы, американский политолог Майкл Манн в работе «Темная сторона демократии» предлагает соответствующий концепт, в котором объясняются основные черты формирования государств на политической карте мира, а также влияние этнонациональных настроений на государственное управление. Начиная разговор о темной стороне демократии, автор отмечает, что необходимо понимать, что термин «демократия» можно рассматривать с двух основных позиций [1]: в традиционном понимании — «власть народа» и как «власть определенного этноса» (т. е. народ может

рассматриваться в узком смысле — группа этнически родственных лиц). По мнению М. Манна, в тот момент, когда определенная этническая или религиозная группа (турки, хуту, албанцы) начинают себя причислять к истинным выразителям народной воли, происходит извращение истинных демократических ценностей и демократии в целом. Обращаясь к опыту Советского Союза, М. Манн отмечает, что роль такого «привилегированного» актора в социалистических обществах на себя возлагали классы.

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДЕМОКРАТИИ

Предлагая научному сообществу концепт «темной стороны демократии», М. Манн выделяет несколько основных характеристик данного явления. Во-первых, по мнению автора, «кровавые чистки есть феномен современный, представляющий собой темную сторону демократии» [1]. М. Манн, придерживаясь ценностных ориентиров демократии как политического режима, отмечает, что она всегда предполагала некое давление большинства на меньшинство, кто бы ни представлял стороны конфликта. Кроме того, этнические чистки, выраженные, в частности, в гибели мирного населения в ходе военных действий на территории того или иного государства, являются феноменом Современности в широком понимании данного термина.

Развивая данный тезис, автор отмечает следующую особенность: «Государства, где

процессы демократизации только начались, в большей степени способны на кровавые этнические чистки, чем стабильные авторитарные режимы» [1]. Это вызвано тем, что на данном этапе в таких государствах «этнос» и «демос» находятся в состоянии острой конфронтации, не имея возможностей для преодоления суммирующихся противоречий. Вместе с тем, если политический режим оформился и придерживается определенных авторитарных принципов, то в этом случае требования и отдельных этнических, и религиозных групп представители власти стараются учитывать в равной степени, не отдавая предпочтения ни одной из сторон конфликта. В таких государствах именно «демос», а не «этнос» начинает играть ведущую роль, поскольку органы власти с помощью различных инструментов начинают формировать иную конфликтную парадигму по оси «большинство»—«враждебное меньшинство». В данном случае, совершенно никакой роли не играет этнический состав «демоса», поскольку основная его цель — подтвердить легитимность авторитарного политического режима.

Что касается государств, в которых демократический режим уже сложился, то в них риск этнических чисток существенно снижен, поскольку, с одной стороны, гарантируется власть большинства, с другой стороны меньшинства имеют определенные гарантии для спокойной жизни.

Во-вторых, М. Манн отмечает, что «враждебность на этнической почве возникает там, где этническая принадлежность вытесняет классовую в качестве основной формы социальной стратификации» [1]. Важно отметить, что в данном случае все негативные чувства, от классовой до религиозной ненависти, становятся основанием для активизации этнического национализма. В случае эскалации того или иного конфликта, он

начинал вбирать в себя определенные компоненты этнического противостояния (фаворитизм в отношении отдельных членов группы, дискриминация чужаков, наличие межэтнической напряженности, наличие горизонтального неравенства между культурно разделенными группами населения [2]). При сохранении указанных трендов, отмечает М. Манн, можно говорить о том, что темная сторона демократии выражается в извращении либеральных или социалистических идеалов демократии.

По мнению политолога, этнический национализм, представляя собой одну из форм эксплуатации, оказывает синергетический эффект на общую деградацию демократии в тех странах, где ему отдается приоритет в политике на высшем уровне. Вместе с тем, одной из ключевых черт «темной стороны демократии» становится слияние классового и этнического конфликтов, поскольку для осуществления этнических чисток недостаточно, чтобы определенные группы хотя бы одному из указанных признаков находились в равном положении относительно друг друга.

В-третьих, описывая ситуации, при которых страны оказываются в непосредственной близости от начала этнических чисток, М. Манн предлагает два варианта их осуществления: «когда (а) движения, претендующие на представительство двух достаточно древних этнических групп, выдвигают заявку на создание собственного государства на одной и той же территории или ее части и (б) эта заявка им (*этническим группам* — авт.) кажется легитимной и имеющей определенные шансы на осуществление» [1]. Автор отмечает, что обе стороны, которые участвуют в конфликте, зачастую являются достаточно влиятельными в социально-экономическом и политическом измерении, при этом каждый из участников конфликта имеют взаимно про-

тиворечащие претензии на политический суверенитет. В данном контексте важно отследить, на какой стадии находится подобное противостояние: именно в этом случае угроза эскалации конфликта особенно высока, а сам он может перейти на уровень этнических чисток.

В-четвертых, М. Манн выделяет два альтернативных сценария развития этнического конфликта и перехода его на уровень чисток. Политолог выделяет следующие тренды: «более слабая сторона получает импульс к борьбе, а не к подчинению, полагая, что помощь придет со стороны» [1] и «сильнейшая сторона настолько уверена в своей превосходящей военной силе и идеологической легитимности, что считает себя способной осуществить чистку без особого физического и морального риска» [1]. В первом случае обе стороны конфликта полагают, что имеют преимущественное право как на определенную территорию, а также уверены в том, что обладают достаточными ресурсами для осуществления своих планов и замыслов. Во втором случае, сильнейшая сторона конфликта ставит перед собой цель — не допустить объединения угнетаемой стороны с некоторыми союзниками, кроме того инициатор конфликта осознанно делает выбор в пользу военного противостояния, без поиска компромиссов по тем или иным спорным моментам.

В-пятых, «грань кровавых чисток оказывается перейденной, когда государство, осуществляющее суверенитет над спорной территорией, подвергается расколу и радикализации, находясь при этом в нестабильном геополитическом окружении» [1]. В этом случае имеет смысл говорить о переходе от скрытого или затухающего противостояния к эскалации конфликта и перехода открытым военным действиям. Важно отметить, что в тех государствах, где этни-

ческий конфликт имеет давнюю историю, он начинает носить циклический характер, а зачастую приобретает некий ареол ритуальности. Вместе с тем, если говорить об этнических чистках, то они, в отличие от этнического конфликта, происходят неожиданно и становятся скорее следствием определенных военных противостояний.

В-шестых, по мнению М. Манна, этнические чистки в большинстве случаев не являются изначальной целью организаторов конфликта. Они происходят в результате «провала» первоначального плана действий, радикализуя первоначальные требования и идеи инициаторов противостояний.

И, наконец, выделяя виновников этнических чисток, политолог типологизирует их следующим образом: радиальные элиты, группы активистов, которые имеют все возможности создать милитаризованные объединения и группы, составляющие социальную базу, которая обеспечивает массовую поддержку, но не большинства. Достижение результата кровавых чисток происходит за счет объединения всех трех перечисленных выше групп. Важно отметить пути реализации власти в каждой из трех типов участников этнических чисток. Так, элиты оказывают влияние «сверху вниз» как на активистов, так и на массовые социальные группы. Возможен и иной сценарий: сгруппировавшиеся массы пытаются донести свои идеи до элит «снизу вверх» силовым образом (восстания, революции и др.). Что касается милитаризованных образований, то они оказывают влияние «сбоку», поскольку их участники сами в ряде случаев принадлежат или к представителям элит, или к «выходцам из народа». Надо понимать, что и само население той или иной страны, вне зависимости от принадлежности к выделенным выше группы, могут являться инициаторами этнических чисток. Безусловно, этот феномен носит

сугубо психологический характер, однако отрицать его наличие в современном политическом процессе невозможно.

КОНЦЕПТ ЭТНИЧЕСКИХ ЧИСТОК

Многие зарубежные авторы отмечают, что в большинстве случаев вина в организации этнических чисток, в первую очередь, лежит на государстве как социальном институте, поскольку они могут являться частью стратегии установления господства на определенной территории. Естественно, подобные планы принимаются высшим руководством той или иной страны. Учтем, также, тот факт, что все организации, созданные с целью защиты прав человека, неизменно относятся к числу виновных в чистках именно политические элиты, но это свойство элит в авторитарных обществах.

Важной особенностью этнических чисток как ключевой составляющей концепта темной стороны демократии, является стратификация их участников. Политологи выделяют следующие оси: место проживания (близость или отдаленность проживания от зоны проведения чисток), принадлежность к определенному экономическому сектору (классовая принадлежность, уровень дохода, работа в структурах охраны правопорядка), пол (преимущественно, мужской), возраст (в большинстве случаев молодые люди, стремящиеся к самоутверждению).

Особую ценность исследования темной стороны демократии представляет классификация видов этнических чисток. По мнению М. Манна, в зависимости от степени насилия в том или ином обществе можно выделить *институциональные принуждения* (мягкая эскалация конфликта на этнической почве); *дискриминацию* (ограничение права чужих этнических групп, позволяя при этом их членам сохранять свою идентичность); *сегрегацию* (чистки проходят по географическому признаку, в том числе

происходит формирование гетто); *выборочное подавление этнических групп с помощью госаппарата принуждения* (подавление сохраняет упорядоченный характер); *тотальное подавление культуры*; *обмен населением*; *депортация*; *эмиграция средстами госпринуждения, насильственная смена религии, показательное подавление*. Перечисленные выше виды могут как сменять друг друга в зависимости от политического режима и целей элит, так и в рамках одного конфликта может сочетаться несколько видов чисток. Кроме того, М. Манн, являясь сторонником классового подхода к изучению темной стороны демократии, предлагает новый вид этнической чистки — *классцид*, при котором происходит уничтожение целых социальных классов, которые могут представлять угрозу политическому режиму.

В рамках изучаемой темы, нам представляется необходимым рассмотреть и сравнить опыт реализации концепта темной стороны демократии на примере двух государств — Югославии и Украины.

Как известно, в результате событий в Югославии погибло 300 тысяч человек, две трети из которых были мирными жителями. Основными участниками происшедших на территории страны конфликтов были сербы, албанцы, хорваты и боснийские мусульмане. В 1981 году в Косово активизировались процессы дезинтеграции, что усилило напряженность в регионе. В начале 80-х годов увеличилось число выступлений как албанцев, так и косовских сербов, чье положение на тот момент в республике так же оставляло желать лучшего. В Белграде начались массовые акции протеста косовских сербов, которые предварительно начали подписывать разнообразные петиции в защиту своих интересов. 24 апреля 1987 года, когда конфликт между косовскими албанцами и сербами достиг

своего максимума, в Косово Поле на митинг сербов прибыл С. Милошевич, который осудил как проявления сербского, так и албанского национализмов на территории республики. Однако слова политика были восприняты таким образом, что он стал защитником сербского населения. Многочисленные противостояния внутри страны привели к тому, что в 1999 году была провозглашена независимость Косова.

Вместе с тем, западные политологи, в том числе и М. Манн, отмечали, что в этнических чистках в Югославии наибольшее число убийств совершали сербы, однако и среди пострадавших число сербов также было наибольшим. В начале 1999 г. около 800 тысяч косовских албанцев были изгнаны со своей территории проживания, но поскольку политическая стабильность в регионе не была достигнута до сих пор, то к числу пострадавших от вынужденной депортации можно отнести и 200 тысяч сербов.

В 1995 году в течение нескольких недель были убиты 600 сербов, которые пытались спастись бегством из Сербской Краины. В июле этого же года от рук самих сербов погибло, по разным оценкам, от семи до восьми тысяч боснийских мусульман погибли после захвата Сребреницы сербами. Жертвами этих и других массовых убийств зачастую становились молодые, активные мужчины, поэтому политологи, изучающие политический процесс в Югославии, говорят об осуществлении политицида — попытки уничтожить всех мужчин определенной национальности (вероисповедания), которые готовы были бы применить силу для отстаивания определенных политических интересов (отстаивание независимости, стремление к созданию нового государства и др.).

Еще одним видом этнических чисток, применявшихся на территории Югославии к разным сторонам конфликта, стало

применение физической силы, избиение и убийство представителей этнического меньшинства. Основная цель подобных действий — устрашение противников и демонстрация силы, а также депортация той или иной этнической общности. Показательным в данном контексте является пример Западной Славонии (Сербская Автономная Область Западная Славония). Изначально это была одна из непризнанных сербских республик на территории Хорватии, которая была создана в августе 1991 года. После ее провозглашения в регионе начались массовые столкновения между хорватским спецназом и сербами, которые в ряде случаев заканчивались кровопролитием. Для того чтобы разобраться с формирующимся этническим конфликтом (а его можно отнести именно к этой группе, поскольку основные острые противоречия были связаны со статусом сербов на территории автономной области, а также со статусом самой Западной Славонии), в регион направлялись армейские бригады, а уже в мае 1995 территория спорной республики была занята хорватами. Сербам, проживавшим на территории Западной Славонии, пришлось покидать свои дома, спасаясь бегством.

Однако насильственное выселение сербов с определенных территорий не было единственным способом проведения политики этнических чисток. Как мы писали ранее, одним из способов ее реализации является проведение культурных чисток, т. е. сознательное уничтожение определенных памятников и объектов историко-археологического наследия. Так, в июне 1999 года был разрушен Монастырь Святой Троицы, датированный XIV в. В результате пожара, охватившего корпус монастыря, погибли все древние рукописи, иконы, утварь, находящаяся в храмах, кроме того был полностью разрушен

главный храм монастыря. Помимо этого храма, разрушению подверглись Храм Богородицы Одигитрии в селе Мушутыште, монастырь святого Марка Коришского, монастырь святого Архангела Гавриила, монастырь Девич и ряд других религиозно-культурных объектов. В общей сложности пострадало более 120 храмов, ряд из которых являются частью Всемирного культурного наследия.

Четвертый тип чисток, проводимых на территории Югославии — изнасилования мирного населения. Существует множество задокументированных преступлений против половой неприкосновенности мужчин и женщин, пострадавших в ходе вооруженных конфликтов, от которых пострадала обе стороны конфликта [3]. Конечно, в данных преступлениях политологи, в первую очередь, выделяют психологический компонент, однако и политические мотивы подобных преступлений очевидны — стремление унижить морально и физически ту или иную сторону противостояния.

Резюмируя все сказанное выше, можно прийти к выводу, что события, происходившие в Югославии в 80-90-х годах XX в. Относятся к этническим чисткам по целому ряду признаков. Во-первых, на тот момент, когда страна была раздираема межэтническими конфликтами, она проходила стадию демократизации, становления нового политического режима и была максимально уязвима для подобного рода конфликтов. Во-вторых, виновниками возникновения чисток были и представители политических элит каждой из сторон конфликта, и парамилитаристские объединения, и обычное население.

Вторым примером реализации концепта темной стороны демократии, на наш взгляд, можно считать Украину. События на юго-востоке страны, начавшиеся в 2014 году и продолжающиеся по настоящее

время, ставят перед исследователями ряд вопросов, ответы на которые позволят наилучшим образом сформировать прогноз о будущем этой страны постсоветского пространства.

Политический кризис на Украине, начавшийся еще в 2013 году, в феврале 2014 года получил логичное продолжение в виде проведения «Евромайдана». В результате активного противостояния экс-президент Украины Виктор Янукович вынуждено покинул страну. В мае 2014 года на внеочередных выборах президента Украины победил Петр Порошенко. Электоральные изменения происходили на фоне обострившегося конфликта центра и Юго-востока страны: о своей независимости заявили о своем стремлении к федерализации и образованию новых народных республик — Луганской (ЛНР) и Донецкой (ДНР). По мнению лидеров этих самопровозглашенных субъектов, политика новых властей Украины, направленная на сближение со странами Запада и снижение градуса отношений с Российской Федерацией. Подобные центробежные тренды, в частности, объясняются тем, что этнический состав самопровозглашенных республик в целом выглядит схожим образом: наиболее крупными этносами выступают русские и украинцы (в разных городах ЛНР и ДНР наиболее часто встречающийся этнос может чередоваться).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правительственные войска Украины не могли не отреагировать на формирование внутри страны фактически самостоятельных субъектов, которые стремятся не только к независимости, но и вхождению в состав соседнего государства (Российская Федерация). 7 апреля 2014 года, после того как ДНР и ЛНР заявили о своей независимости, и.о. президента Александр

Турчинов заявил о начале «антитеррористической операции». В настоящее время конфликт на территории страны не завершился, хотя по ряду стратегических направлений его сила снизилась.

Что же позволяет говорить о том, что на территории Украины в полной мере реализуется концепт темной стороны демократии, в том числе через проведение этнических чисток? Во-первых, в рассматриваемой ситуации в полной мере реализуется следующий принцип, предполагающий начало этнических чисток, а именно: наличие политизированных массовых движений, которые выдвигают заявку на создание собственного государства на территории уже существующего государства.

Во-вторых, М. Манн отмечал, что концепт темной стороны демократии реализуется в тех государствах, где политический режим находится на стадии формирования и перехода от авторитарного к более мягкому. В-третьих, политологи отмечали наличие «двух Украин» на территории страны: украиноязычные запад и центр и преимущественно русско-язычный юг и восток. Конечно, наличие подобных ярко выраженных этнических противоречий не могли с течением времени не вылиться в открытое противостояние: «Очевидно, что в данном случае такие демократические институты, как выборы и многопартийность, послужили усугублению языкового и регионального конфликта, приведшего к вооруженному противостоянию и боль-

шому числу жертв» [1].

В-четвертых, само население принимает активное участие в процессе этнических чисток. Иллюстрацией этому тезису служат события в Одессе 2 мая 2014 года, когда в местном Доме профсоюзов были сожжены заживо сторонниками запрещенной на территории РФ организации «Правый сектор», этнический состав которой — украинцы.

Наконец, развитие этнического конфликта на Украине происходит по одному из сценариев, описанных М. Манном: наиболее слабая сторона конфликта предполагает достичь успеха, опираясь на помощь извне. В описываемом нами случае данный тезис в равной степени относится как к правительственным войскам, поскольку на их стороне воюют батальоны, сформированные из жителей Западной и Восточной Европы, так и к представителям ДНР и ЛНР, которые полагались на помощь выходцев из России.

Таким образом, концепт темной стороны демократии подтверждает свою жизнеспособность, проявляясь как в событиях прошлого, так и в современном политическом процессе. Ключевую роль в нем играет наличие и распространение этнического конфликта, вовлечение в него населения, элит, военизированных объединений, а также целого спектра способов реализации этнических чисток, которые являются спутниками недемократических режимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манн М. Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. Москва: Издательство «Пятый Рим»; 2016. С. 27-49.
2. Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. Москва: Кучково поле; 2014. С. 35.
3. Allen B. Rape warfare: The hidden genocide in Bosnia-Herzegovina and Croatia. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2002. 230 p.

REFERENCES

1. Mann M. Dark side of democracy: Explaining ethnic cleansing. Moscow: Publishing house of the «Fifth Rome»; 2016. Pp. 27-49. (In Russ.)
2. Vanhanen T. Ethnic conflicts: their biological roots in ethnic favouritism. Moscow: Kuchkovo pole; 2014. p. 35. (In Russ.)
3. Allen B. Rape warfare: The hidden genocide in Bosnia-Herzegovina and Croatia. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2002. 230 p.

.....
Статья получена 17.05.2017
Received 17.05.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алина Е. Волкова, Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия; 394026, Россия, Воронеж, Московский проспект, д.14; alina_volkova91@mail.ru

Alina E. Volkova, Voronezh state technical university, Voronezh, Russia; 14, Moscow Avenue, Voronezh, Russia, 394026; alina_volkova91@mail.ru

DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-169-175

Политическая составляющая российско-латвийских отношений на современном этапе (2014–начало 2017 гг.)

Марат Ф. Касем

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
marat90@inbox.lv*

Аннотация: В статье рассматриваются истоки и причины напряженного состояния российско-латвийских отношений на современном этапе, их проявление, а также возможные перспективы их дальнейшего развития. Доминантой сегодняшних российско-латвийских отношений является их политическая составляющая. Такая ситуация сложилась, начиная с 2014 года, с года государственного переворота на Украине и присоединения Крыма к России. Направленность российско-латвийских отношений на конфронтацию, на нагнетание напряженности определяет не Россия, а Латвия и стоящие за ней НАТО и, в первую очередь, США. Если в «Концепции национальной безопасности Латвии» 2005 года подчеркивалось, что «в современный период не существует военной угрозы ни Латвии, ни странам Балтии в целом», то в 2015 году Концепция меняет свою направленность на противоположную, при чем подчеркивается угроза со стороны России. Латвия не может играть самостоятельную роль во внешнеполитических отношениях с Россией, но она использует ее как ресурс, который выступает в роли агрессора. В результате полной зависимости Латвии, Литвы и Эстонии от Евросоюза и США эти страны уже просто вынуждены выполнять внешнеполитические заказы западных кредиторов, даже вопреки собственным государственным интересам. В начале 1917 года в Латвии произошли существенные изменения, связанные с правовым статусом нахождения в стране военнослужащих США. Последовательное осуществление этих изменений превратит практически всю Латвию в военную инфраструктуру США. Создание на территории Латвии фактически военных баз США равнозначно сосредоточению войск США на границе с Россией. Безусловно, никакой реальной угрозы для Латвии со стороны России нет и быть не может. Идти на военный конфликт с НАТО и США Россия станет лишь в самом крайнем случае. Но от желания Москвы уже ничего не зависит, и она может лишь наблюдать, как Прибалтику готовят к еще большему разрыву с Россией. Если раньше для разжигания большой Европейской войны Вашингтон делал ставку на Киев, то сегодня, очевидно, что она не оправдалась. Прибалтика является почти идеальным полигоном для крупной провокации. Пока еще у российского руководства есть поле для маневра, но оно стремительно сокращается. Почти все прогнозы о дальнейшем развитии российско-латвийских отношений сводятся к тому, что они будут определяться не двусторонними отношениями, а, главным образом, динамикой отношений США-Россия. А, если посмотреть на динамику военного присутствия войск США в Латвии, то такие прогнозы полностью оправданны.

Ключевые слова: геополитика, Латвия, Россия, Украина, США, НАТО, агрессия, военные базы.

Для цитирования: Касем М. Ф. Политическая составляющая российско-латвийских отношений на современном этапе (2014– начало 2017 гг.). *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):169-175. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-169-175

Political Component of Russian-Latvian Relations at the Present Stage (2014–early 2017)

Marat F. Kasem

*Peoples' Friendship University of Russian, Moscow, Russia,
marat90@inbox.lv*

Abstract: The article examines origins and causes of tensions in relations between Russia and Latvia today, their manifestations, and possible scenarios of their development in the future. The dominant feature of today's Russian-Latvian relations is their political component. This situation first emerged in 2014, the year of the coup d'état in Ukraine and the year of the Crimea joining Russia. The spirit of confrontation in Russian-Latvian relations and the increasing degree of tension has been fueled not by Russia but by Latvia, and, in the background of the situation, NATO, and, first and foremost, the United States. In 2005 the Latvian National Security Concept Program underscored "absence of military threat for Latvia or other Baltic states," in 2015 the new edition changes its focus completely and mentions the "Russian threat." Latvia does not play an independent role in foreign relations with Russia, but the country is using Russia as playing the role of an aggressor. As Latvia, Lithuania and Estonia are fully dependent on the US and the EU, they are forced to comply with foreign policy orders of their Western creditors, even if these demands contradict these countries' own interests. Considerable changes have taken place in Latvia in the early 1917, when the legal status of US military personnel was changed. Consistently implementing these changes will turn virtually the entire territory of Latvia into the military infrastructure of the United States. As US military bases are being created in Latvia, it is equivalent of having American troops on the border with Russia. Obviously, Russia does not threaten Latvia in any way. An open conflict with NATO and the US could be used only as a last resort. But nothing depends on Moscow's wishes anymore, and we can only watch the Baltic States being dragged further away from Russia. If previously, hoping to start a major European war, Washington placed its faith in Kyiv, now they find that strategy failing. The Baltic States appear to be an almost perfect testing ground for a major provocation. For now the Russian leadership still has some room for maneuver, but these options are rapidly shrinking. Almost all predictions about the future development of Russian-Latvian relations say that these will not be bilateral relations proper, but will depend on the dynamics of US-Russia relations. Looking at the dynamics of US military presence in Latvia, these predictions are fully justified.

Keywords: geopolitics, Latvia, Russia, Ukraine, United States, NATO, aggression, military bases.

For citation: Kasem M.F. Political Component of Russian-Latvian Relations at the Present Stage (2014 - early 2017). *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):169-175. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-169-175

ВВЕДЕНИЕ

В российско-латвийских отношениях, начиная с 1991 года, в разное время выступали на первый план разные составляющие — политическая, экономическая, национальная и т.д. А, начиная с 2014 года, года государственного переворота на Украине, политическая составляющая становится доминирующей. И эту доминанту задает не Россия, а НАТО, в первую очередь, в лице США и Латвия.

Сразу после распада СССР геополитические устремления Запада были направлены на сдерживание России в Балтийском регионе, и для достижения этой цели Прибалтийские государства вовлекались в Североатлантический альянс и ЕС [2]. Даже интеграция стран Прибалтики в ЕС и НАТО в большей степени носит евроатлантический, чем европейский характер. Наиболее явно это проявляется в отношении безопасности и обороны. Несмотря на Общую политику безопасности и обороны ЕС, Латвия, Литва и Эстония опасаются, что углубление европейской интеграции в этой области может уменьшить роль НАТО как «краеугольного камня» их безопасности, а, главное, гаранта невозвращения в сферу геополитических интересов России. То есть ЕС рассматривается в Прибалтийских странах как гарант экономической «независимости», а НАТО — как гарант военно-политической безопасности. В последнем случае особая роль отводится США [3].

Одной из причин стремительного включения Прибалтики в НАТО стали опасения повторения сценария 1939-1940 гг., когда на территории этих стран находились толь-

ко национальные армии. В данном случае присутствие НАТО должно помешать возможным попыткам России вернуть этот регион в сферу своего влияния.

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

В 2004 году Латвия стала членом НАТО. В связи с этим в 2005 году была утверждена новая «Концепция национальной безопасности Латвии», в которой излагались принципы предотвращения потенциальных угроз национальной безопасности Латвии. При этом в документе подчеркивалось, что «в современный период не существует военной угрозы ни Латвии, ни странам Балтии в целом». То есть до государственного переворота на Украине в 2014 году и последующих геополитических процессов правительство Латвии заявляло, что вступление страны в НАТО, а также ратификация пограничного договора с Россией свидетельствуют о качественном улучшении обстановки в области безопасности. По мнению латвийских политиков, не существовало прямой военной угрозы не только для Латвии, но и для всего региона Балтийского моря в целом.

В 2015 году «Концепция национальной безопасности Латвии» меняет свою направленность на противоположную. В документе, в частности указывается: «Значение внешних рисков и угроз для национальной безопасности Латвии значительно возросло. Агрессия России на Украине, ее военные учения и демонстрация силы вблизи латвийской границы, а также стремления повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию различными экономическими и политическими средствами, создает необходимость

комплексного подхода к предотвращению этой угрозы. Стратегический принцип обеспечения военной безопасности Латвии остается тем же — продолжать совершенствовать и модернизировать потенциал национальной обороны, поддерживать укрепление коллективной обороны НАТО и содействовать обеспечению международной безопасности».

Несмотря на то, что в силу своего незначительного потенциала и зависимости от Запада Прибалтики, в том числе и Латвии, не могут играть самостоятельную роль во внешнеполитических отношениях с Россией, они используют Россию как ресурс, который выступает в роли «агрессивного и непредсказуемого соседа», несущего «угрозу с Востока» [3]. Буферное, окраинно-транзитное положение приводит и к соответствующему внешнеполитическому инструментарию, который также регулируется и направляется действиями ведущих держав. А. Богатуров в связи с этим еще в 2006 году отмечал, что страны Прибалтики не сумели стать заметными участниками глобальной политики, но пытаются сформировать свой капитал (политический, идеологический, финансово-экономический) опосредованно — на отношениях между Россией и Западом, Россией и США, фактически «от них питаюсь», используя с этой целью «конфликтные узлы» в отношениях. Все эти исходные положения актуальны и сегодня.

Стремительные изменения геополитической ситуации и экономическая зависимость низвели роль балтийских стран до положения просящей и зависимой стороны. Такое положение стран Прибалтики также было заранее обусловлено кредитной «удавкой», которую, начиная с конца 90-х годов, осуществляли Шведские банки (Швеция уже давно является финансовым форпостом США в Европе), что, по мнению

автора, не являлось чисто экономическим процессом. В результате полной зависимости Латвии, Литвы и Эстонии от Евросоюза и США эти страны уже просто вынуждены выполнять внешнеполитические заказы кредиторов, даже вопреки собственным государственным интересам.

ПОЛИТИКА ЛАТВИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Одним из самых ярких проявлений такого «послушания» является сегодняшняя Латвия, которая заняла в 2016 году первое место в Европе по увеличению расходов на оборону — на 44%. Для примера: страны Центральной Европы в 2016 году по сравнению с 2015 годом увеличили военные расходы в среднем на 2,4%, а страны Западной Европы — в среднем на 2,6%. На саммите НАТО в Варшаве лидеры альянса приняли решение о размещении четырех международных батальонов в Польше и странах Прибалтики. Один из этих батальонов прибудет в Латвию в июне 2017 года. Кроме того, Латвия уже заявила о намерении увеличить оборонный бюджет до минимально требуемого для страны-члена НАТО 2% ВВП к 2018 году. Латвийские политики не скрывают, что такой рост определяется внешней политикой по отношению к России.

Как уже отмечалось, антироссийское направление политики Латвии (и Прибалтийских стран в целом) еще более укрепилось в связи с событиями на Украине, а особенно после присоединения Крыма к России. На фоне крымских событий Балтийские страны считали, что сделали единственный правильный выбор вектора внешней политики. «Рядом с нами — большая страна с очень большими амбициями. Тут лучше быть частью большой организации, которая может гарантировать безопасность», — сказал глава комиссии по обороне Сейма Латвии

Айнар Латковскис. А тогдашний министр обороны Латвии Раймонд Вейонис прямо заявил: «После военного вторжения России в Крым, аннексии и возможных дальнейших военных действий на территории Украины мы должны понять, что соседняя страна находится в состоянии повышенной военной готовности, в шаге от военного положения. Это увеличивает риски и в нашем регионе» [1]. Хотя и здесь можно наблюдать вполне прагматические мнения, например: «НАТО защитило бы нас, но я не уверен, что такого же мнения придерживается Россия». Несмотря, на скепсис отдельных политиков, Страны Балтии в 2014 году еще раз подчеркнули правильность вступления в НАТО. Как сказал экс-министр обороны Латвии Агис Слakterис: «Смысл международной политики заключается в том, чтобы выбрать более безопасную сторону до того, как появится необходимость воспользоваться этим пятым параграфом (*речь идет о 5 параграфе Устава НАТО, гарантирующем защиту членом организации* — авт.)».

ПРИБАЛТИКА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

В последние годы Латвия и другие Прибалтийские страны постоянно вступают в роли «ведущих» внешнеполитических ньюсмейкеров. Причем все новости связаны с российской угрозой: постоянные сообщения о нахождении вблизи границ российских военных кораблей, самолетов и т.д. как свидетельства готовящейся агрессии России против «независимых» стран Балтии. Высшее руководство стран постоянно говорит о российской угрозе. Более того, им вторят официальные лица США и Великобритании самого высокого уровня, что само по себе указывает на источник таких настроений. В итоге это вылилось в рост военного присутствия НАТО в Латвии, Литве и Эстонии. В данном случае страны

Прибалтики укладываются в концепцию «прифронтовых государств», которая широко распространена в США.

В начале 1917 года в Латвии произошли существенные изменения, связанные с правовым статусом нахождения в стране военнослужащих США. На первый взгляд — это вопрос внутренней политики Латвии. Но, автор считает, что последовательно осуществление этих изменений превратит практически всю Латвию в военную инфраструктуру США, что еще больше обострит ситуацию в регионе, и довольно сложно будет говорить о российско-латвийских отношениях без кавычек.

Правовой статус американских военнослужащих (как и военнослужащих других стран-членов НАТО) на территории Латвии в целом определяется Северо-Атлантическим договором. Однако договор не исключает возможности странам-участникам альянса заключать двусторонние соглашения — SOFA (Status of Forces Agreement), которые могут предусматривать особый статус для военных одного государства, находящихся на территории второго. Именно такой договор с США предстоит ратифицировать Латвийскому Сейму. Что характерно, текст договора готовили США, и Сейм не имеет права вносить в него изменения, а только — ратифицировать или отклонить.

Заключая двусторонние SOFA, США, как правило, добиваются права исключительной юрисдикции в отношении своих военных, по которому уголовные правонарушения, совершенные американскими военными, например, в Латвии, расследуются по законам США, а в случае задержания или ареста виновного, он содержится в распоряжении американских властей. И что характерно, Законопроект о ратификации этого договора одобрили 99 из 100 депутатов Сейма.

Вторая составляющая этого договора посвящена фактическому созданию амери-

канских военных баз на территории Латвии. В договоре используются эвфемизмы, для сокрытия сущности таких баз — «объекты и территории для эксклюзивного использования силами США». Хотя и отмечается, что инфраструктура таких территорий (аэродром ВВС Латвии в Лиелварде, армейская база в Адажи и полигоны, а так же «военная» часть железнодорожного хозяйства станции Гаркалне) используется совместно Латвией и США, будет происходить постоянная ротация военнослужащих США, но в договоре еще говорится, что у американских военных будет право контролировать въезд как раз на территории, на которые у них будет эксклюзивное право использования. Эта группа объектов и территорий полностью выведена из-под латвийского контроля. Это — по сути, прямое нарушение Конституции Латвийской Республики.

Как считает В. Линдерман, если это не иностранная военная база, то, что тогда вообще означает выражение — «иностранная военная база»? На его взгляд, вся эта словесная эквилибристика служит лишь одной цели: не дать России повода громко и обоснованно возмутиться созданием военных баз США в критической близости от российской границы. По мнению автора, создание таких баз равнозначно классическому сосредоточению войск США на границе с Россией, так это и нужно воспринимать, не затушевывая сути, обтекаемыми юридическими формулировками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воротников В.В. Международные отношения страны Балтии в НАТО: итоги десятилетия. *Вестник МГИМО Университета*. 2014; 6: 9-17.
2. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске: основные понятия геополитики. Москва: Изд-во «АСТ»; 2003. С. 711
3. Смирнов В.А. К вопросу о роли малых стран в процессах реструктурирования постсоветского пространства (На примере Прибалтики). *Балтийский регион*. 2014; 4: 48.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, никакой реальной угрозы для Латвии и в целом Прибалтики со стороны России нет и быть не может. Даже чисто с рациональной точки зрения идти на военный конфликт с НАТО и США Россия станет лишь в самом крайнем случае. Но от желания Москвы уже ничего не зависит, и она может лишь наблюдать, как Прибалтику готовят к еще большему разрыву с Россией.

Если раньше для разжигания большой Европейской войны Вашингтон делал ставку на Киев, то сегодня очевидно, что она не оправдалась. Прибалтика является почти идеальным полигоном для крупной провокации. Антироссийски настроенные, полностью подконтрольные Вашингтону, да еще и члены НАТО. Так или иначе, антироссийские провокации в Прибалтике не первые и не последние. Пока еще у российского руководства есть поле для маневра, но оно стремительно сокращается. Как уже не раз замечалось, если долго избегать выбора, то он делается сам собой. Его совершает сама история.

Почти все прогнозы о дальнейшем развитии российско-латвийских отношений сводятся к тому, что они будут определяться не двусторонними отношениями, а, главным образом, динамикой отношений США-Россия. А, если посмотреть на динамику военного присутствия войск США в Латвии, то такие прогнозы полностью оправданны.

REFERENCES

1. Vorotnikov V.V. International relations of the Baltic States to NATO: the results of the decade. *Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations*. 2014; 6: 9-17. (In Russ.)
2. Pereslegin S. The teacher of the game on the world chessboard: basic concepts of geopolitics. Moscow: Publishing house «AST»; 2003. P. 711 (In Russ.)
3. Smirnov V.A. On the role of small countries in the restructuring of the post-Soviet space (On the example of the Baltic). *The Baltic region*. 2014; 4: 48. (In Russ.)

.....
*Статья получена 05.06.2017,
Received 05.06.2017*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марат Ф. Касем, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; marat90@inbox.lv

Marat F. Kasem, Peoples' Friendship University of Russian, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198, Russia; marat90@inbox.lv

